

ПРОРЫВ

№ 24

(№3 2009)

октябрь 2009

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**Этот номер
посвящен
проблемам борьбы
с оппортунизмом**

ч | и | т | а | й | т | е

В ЭТОМ НОМЕРЕ

В. Подгузов

УМ

**И ЗА ДЕНЬГИ
НЕ КУПИШЬ**

СТР. 2 - 22

О. Петрова

ХРУЩЕВИНА

СТР. 24 - 32

А. Лбов

**РЕАНИМАТОРАМ
ЭКОНОМИЗМА**

СТР. 33 - 45

А. Героев

**ЧТО НАША
ЖИЗНЬ...
ИКРА**

СТР. 46 - 49

УМ И ЗА ДЕНЬГИ НЕ КУПИШЬ

Валерий Подгузов

МЕДЛЕННО, НО МЕРЗКО

Стало хорошей традицией практически все статьи, подписанные псевдонимом, «Подгузов», подвергать мелочному анализу. В прежние годы на этом поприще особенно выделялись Гунько, Крючков, Гамов. Каких только ругательных эпитетов я не услышал в свой адрес. Теперь сизифов труд на ниве производства эпитетов продолжают Новиков и Ферберов с Пугачёвым.

Странно только, что мои же статьи, подписанные другими псевдонимами, практически не привлекают их внимания в той же степени. Если бы моих оппонентов, действительно, волновала чистота идеологии, то и другие мои псевдонимы склонялись бы столь же напористо, тем более, что все статьи пишутся с одних и тех же методологических позиций, иногда с повторением отдельных мыслей. Но критики, чаще всего, молчат. Очевидно, идеология здесь не причем. Мотивы, которыми руководствуются мои оппоненты, более чем ничтожны: склоность и невежество, прикрытые трескучей фразеологией.

Но особое возмущение у названных критиков вызвала моя последняя статья о сущности денег, опубликованная в журнале «Прорыв» (№23). Они даже грозились найти хорошего теоретика и разгромить меня окончательно. Прошло «всего» каких-нибудь четыре месяца после выхода моей статьи, и «хороший теоретик» нашёлся. Им оказался... Мерлин. Хорошо ещё, что не Мэнсон. Судя по эклектике стилей, видно, что над заметкой трудился коллективный «органчик», т.е. сразу несколько Мерлинов. Таких «идеологов» уже можно заносить в книгу рекордов Гиннеса за беспрецедентную заторможенность и липкий язык, т.е. за качества, затмевающие достоинства хамелеонов.

Во времена Ленина и Сталина важнейшими

принципами агитационно-пропагандистской работы были научность, оперативность, широкий охват населения. Сегодня такие принципы уже не указ для пропагандистов МО РКРП-РПК. А может быть, и пар у них весь вышел, как всегда, в свисток.

Но и это ещё не всё.

Гапон, как известно, давно мертв. Однако, судя по содержанию заметки, гапонята остались, но действуют под псевдонимом. Масштаб их провокаторской деятельности, конечно, не зубатовский, но желание гадить - безмерно. Поэтому начнем рассмотрение заметки Мерлина с, позорящего его, конца.

«Можно, конечно, предположить, - заключают свою заметку мои оппоненты, - что Подгузов понимает реальные классовые причины бед общества, но опасается использовать классовый подход в своих работах - например, могут привлечь по 282-й статье или еще что-нибудь ему инкриминировать (чего, кстати, Лбов почему-то совершенно не опасается). Но тогда зачем публиковать статьи с такими претензиями и огромным набором ошибок? Поможет ли это той идее, сторонником которой Подгузов себя объявляет? Может, лучше было бы писать более конкретные и менее фантастические статьи? Словом, лучше меньше да лучше.

С уважением, Merlin».

Действительно, если автора не посадят по 282 статье, то зачем публиковать статьи? Каждому дураку известно, что статьи публикуют, чтобы потом долго сидеть в камере. Но меня больше вдохновляет то, что Маркс, например, практически не сидел, хотя писал много, а Энгельс вообще не привлекался. Разве это помешало делу? Более того, в полемике с подобны-

ми провокаторами, Энгельс писал, что пусть лучше враги обвинят меня в трусости, чем рабочие обвинят в глупости. Рекомендации Энгельса мне ближе.

Так что, г-н сивый Мерлин, во-первых, вы сами знаете, что **врите**, когда утверждаете, что я избегаю «классового подхода» (вы читали все мои работы), во-вторых, вы **врите** сами себе, когда думаете, что обладаете классовым подходом (это я докажу ниже), а в-третьих, вы слишком услужливо информируете органы о неблагонадежности Лбова и моей лояльности (в надежде столкнуть меня со Лбовым). Легко представить, как вы и на суде будете, ради «пользы дела», давать свидетельские показания, подтверждая, что Лбов в своих статьях использует классовый подход, а Подгузов не использует. Вы же, как и Крючков с Новиковым, считаете, что помощь политзаключенным составляет львиную долю вашей «революционной стратегии борьбы» (РСБ). Т.е., чем больше политзаключенных, тем лучше для поклонников концепции РСБ.

Иными словами, мерлины «тонко» намекают, что Подгузов не пишет статей с классовым подходом потому, что боится репрессий. И тут же подсказывают охранке: *«а Лбов храбрый, он не боится, пишет, и, следовательно, его уже можно привлечь по 282 статье УК РФ»*. Дескать, мы уже готовы собирать деньги на передачи и лить крокодиловы слёзы. Ищейкам впредь не нужно будет трудиться, выискивая авторов статей с классовым подходом. *«Мы сами, родимый, закроем, орлиные очи твои»*.

Но, обвинив Подгузова в трусости, авторы призывают: *«смело писать статьи с классовым подходом»*, трусливо прикрывшись именем Мерлина, поскольку догадываются: *«Подгузов ответит на нашу галиматью, но не сможет задеть нас, поскольку, с точки зрения буржуазного права, нельзя доказать, какие поганцы спрятались за именем Мерлина. Вот пусть и бодается с Мерлином, а мы героически отсидимся в непроходимых хитросплетениях РСБ»*. У пасквилянтов не хватило ума догадаться, что если бы они подписались своими именами, мне пришлось бы отвечать в щадящем режиме (как-то неудобно называть дураками седовласых кретинов), но поскольку статью подписал человек с образованностью и этикой эпохи короля Артура, можно не заботиться о подборе слов. Так что, «ну, сивый Мерлин, погоди!».

Психологи давно доказали, что только идиоты не испытывают чувства страха. Не скрою,

каждый раз перед допросами в качестве подозреваемого, свидетеля или потерпевшего в комиссии по расследованию деятельности офицеров после ГКЧП, по известным событиям 92, 93 г.г. на допросах в МВД и прокуратуре РФ, когда меня увольняли со службы за антиамериканскую деятельность, я не испытывал чувства восторга. Но забавляет то, что моим оппонентам становится дурно и мокро от одной только мысли, что придется опять читать ответ Подгузова, в котором их дурость и двуличие будут доказаны со всей определенностью, **принародно** и вполне приличным тиражом. Вот наши «храбрецы» и спрятались за широкую спину средневекового придворного мага короля Артура.

Дорогие читатели, попробуйте, в порядке развлечения, найти иное, кроме трусости, объяснение необходимости старым пачкунам прятаться за псевдоним. Думаю, не найдете, а сами они теперь никогда в этом не признаются и будут все валить на Мерлина.

Но для читателей «Прорыва» важно не то, что мелкие пакостники, затесавшиеся в компартию, в очередной раз ткнутся физиономией в собственную глупость, а то, что можно познакомиться с конкретным образчиком дурацких мыслей и понять на конкретном примере, почему на Руси издревле считалось, что услужливый дурак, слышавший звон о классовом подходе, опаснее врага.

НЕОБРАЗОВАННОСТЬ – УДОБРЕНИЕ ОППОРТУНИЗМА

В одной из своих статей, посвященных исследованию сущности оппортунизма, я исходил из того, что оппортунизм, в качестве источника своего возникновения, имеет не только объективные корни, порожденные делением общества на **классы**, но и гносеологические, т.е. познавательные корни, а ещё точнее, особого рода невежество, недоразвитость ума, которая сродни недоразвитости рук ремесленника, рано утративших универсальность, свойственную рукам разносторонне развитого человека. Руки и голова ремесленника с детства заняты одной и той же формой труда и через некоторое время утрачивают вовсе качества, необходимые для осуществления **творческих** трудовых и мыслительных операций. Т.е. оппортунист может в совер-

шенстве знать правила русского языка, но при этом мыслить только как финикиец, с тем же результатом.

Оппортунистом или, как говаривал Ленин, политической проституткой становится человек, прежде всего, не обладающий диаматическим мышлением. Рано или поздно, но именно этот дефект проявит себя при принятии политического решения и обречет человека на соглашательство в худшей его форме.

Нет ни одного следа, который бы свидетельствовал, что мои оппоненты изучили, тем более, освоили диалектику Гегеля, которая позволила Марксу стать автором «Капитала». Нет ни одного признака, что мои оппоненты изучили и творчески освоили хотя бы «Капитал». Никакая сила уже не заставит этих людей изучить труды Гегеля и Маркса с тем напряжением, которое заслуживают эти произведения. Разумеется, мои мерлины, обучаясь в советских вузах, перед экзаменами читали некоторые учебники эпохи Брежнева, выписывали из страниц, указанных в учебных программах, цитаты классиков, препарировали их идеи, и именно такой «научный» багаж и сделал миллионы членов КПСС оппортунистами, которые в ходе перестройки просто утекли и в демократические, и в фашистские партии, а также в «Марксистскую» платформу, в КПРФ и РПК, проникли в РКРП, но с прежним разрушительным результатом.

Продуктивность оппортунистов как разрушителей определяется тем, что они, совершая пакости, стремятся выдать себя за коммунистов. Широко известен тезис Троцкого, свято соблюдаемый современными оппортунистами: сохранять себя в организации до полного её развала. Разваливая организацию, они всегда кричат, разрывая тельняшки на груди, что искренне хотели сделать, как лучше. Поэтому партийная карьера для оппортуниста – важнейший, если не единственный, инструмент реализации своих онкопринципов. Об этом, со всей откровенностью, писал в своих мемуарах бывший секретарь ЦК КПСС по идеологии, А.Н. Яковлев.

То есть оппортунисты это люди, не способные мыслить диаматически. Они не способны понимать даже то, что написали сами. В противном случае, мерлины, и без меня, обратили бы внимание на вопиющее противоречие своей подлой «логики»: только что обвинив оппонента в трусости, они, знатоки 282 статьи УК РФ, подписались псевдонимом.

Крупные оппортунисты изредка пытаются

самостоятельно скандализировать ситуацию, тонко исказив суть учения классиков марксизма-ленинизма, как это делали, например, Троцкий или Бухарин. Мелкие оппортунисты способны лишь тявкать на чужие труды, видя в каждом последовательном стороннике диаматики смерть своей карьеры. Мелких оппортунистов всегда больше, поскольку им для этого не нужно напрягаться. Образно говоря, чем меньше вы знаете, тем легче быть сивым Мерлином.

Зная своих оппонентов много лет, я легко представляю, как они мучились в поисках того, что можно **огульно** поставить в вину автору, ничего не доказывая, не прибегая к анализу конкретных проблем и категорий.

Именно поэтому мои оппоненты частенько пользуются оборотом: *«Нет нужды доказывать...»*, дескать, тут и дураку всё ясно. Дураку, действительно, всегда всё ясно.

- *«Особой нужды нет, - пишет Мерлин, - в разъяснении того, действительно ли наблюдались или наблюдаются процессы (а дальше они цитируют Подгузова) «постоянного сокращения количества металлических денег и роста количества товаров у мелких производителей».* Понятно, - продолжает Мерлин, - что это ахинея в отношении любых товаров, любых денег и любых производителей». Как видите, мои оппоненты относятся к своим читателям, как боги к верующим. Сказал Мерлин: «абракадабра», - значит, абракадабра, и попробуйте подумать иначе. Т.е, Мерлин «думает» наоборот, будто в руках у мелкого производителя растёт количество металлических денег, если постоянно сокращается количество производимого им товара. По Мерлину получается, что дурак-купец покупает у ремесленника постоянно уменьшающуюся массу товара за постоянно увеличивающуюся сумму металлических денег. Это ли не ахинея? Интересно, кто-нибудь еще, кроме моих мерлинов, встречался на рынке с таким ходом событий? Если верно то, что утверждает Мерлин, то почему в США и Европе ежегодно разоряется не менее 300 000 мелких товаропроизводителей в городах и примерно столько же в сельской местности. Что, от переизбытка денег? Сегодня, в результате конкуренции олигархов, закрылся Черкизовский рынок в Москве. С чем остались мелкие вьетнамские производители контрафактных штанов? С достаточным большим количеством непроданной продукции. Как у них с деньгами? Они «тают» или их нет вовсе. Ясно, что вьетнамцы теперь вы-

нуждены будут продавать свои изделия купцам-перекупщикам дешевле прежнего. Поэтому они и рыдают перед телекамерами. Но это непонятно одному лишь Мерлину.

Кредитная система потому и расцветает и сотрясает рыночную экономику, что всем производителям в ней всегда недостаёт «живых» денег.

Специально для читателей «Прорыва» необходимо заметить, что, по мере роста навыков ремесленников, совершенствования технологии их производства, медленно, но растет производительность их труда, т.е. за одно и то же время растет количество и качество выпускаемой ими продукции. Но, как показывает вся мировая практика, ремесленники и мои оппоненты не знают и **не понимают**, что в результате роста **производительности** труда снижается стоимость ЕДИНИЦЫ товара, поэтому за **большую** массу товара ремесленник от купца получал и получает везде неизменную, а чаще всего меньшую сумму денег, даже если нет кризиса, но есть инфляция. Наблюдательный купец об этом знает, но не «распространяется» на эту тему, поскольку это его «ноу-хау». Ремесленники и мои оппоненты об этом не знают, но одни плачут от обиды и нарастающей нищеты, а мои оппоненты орут на каждом перекрестке о том, что это ахинея. Если бы мои оппоненты хоть немного уважали читателей и марксистскую традицию, то они все-таки попытались бы **ДОКАЗАТЬ читателям**, в чем ахинеяство «*для любых денег, любых товаров и любых производителей*». Но они, как всегда, лишь, с миной Кисы Воробьянинова, надувают щеки, изображая из себя знатока сокровенных тайн - Мерлина.

- «...*Также нет нужды в опровержении слов Подгузова о том, что якобы кто-то превращает «случайные хаотичные ошибки всех производителей при стоимостной оценке своих товаров в систематические, односторонние, постоянно растущие» и сосредотачивает «эти погрешности в виде денежной формы прибыли в руках постоянно сужающегося круга частных лиц...*».

Не позавидуешь Мерлину. Четыре месяца сидел он, как орел, над моей статьей, въедливо клевал её, нещадно мял страницы «Прорыва», а нужда так и не возникла. Но, с другой стороны, именно так, бесстыдно, и выглядит ничем не прикрытое комчанство, которое Ленин оцени-

вал, как вторую, после взятки, смертельную угрозу для дела коммунистической революции.

Для чего создавалась компартия? Чтобы соединить силу рабочего движения с научной теорией. А здесь наши болтуны так устали от собственной гениальности, что им лень привстать и доходчиво объяснить читающим пролетариям, в чем здесь ошибка, тем более, что «Прорыв», действительно, читают рабочие.

«*Уж не будем говорить, - цедят сквозь зубы мои мерлины, - о фантомной «стоимостной оценке» производителем своих товаров*». Действительно, не говорил бы, за умного сошел. Интересно только, значение какого слова неведомо моим оппонентам: «стоимостная» или «оценка»? Где здесь фантом? Или слово «оценка» они отождествляют лишь со школьной двойкой? «Стоимостная двойка» - это, действительно, нелепица, фантом, а вот двойка за знание марксистской теории стоимости - им обеспечена.

По мнению моих оппонентов, производитель товара выходит на рынок, не имея ни малейшего представления о том, сколько стоит или во что обошлось ему производство этого товара? Иной вопрос, что в его оценке всегда содержится некоторая погрешность, но погрешность и возникает именно в процессе попыток стоимостной оценки товара.

Поэтому объясняю, но уже не для тупых. Те, кто внимательно дочитали «Капитал» хотя бы до сотой страницы, знают, что каждый товаро-производитель, тысячелетиями, перед тем как выйти на рынок, не только ставит свечку богу, но и определяет, приблизительно, стоимость своего товара. Заметьте, не цену, а стоимость, от которой он и будет «плясать» на рынке, при определении цены, если только купец-перекупщик не заставит его продать товар до подхода к рынку, да по бросовой цене. Оценивая свой товар, мелкий производитель задается, прежде всего, вопросом, сколько труда, рабочего времени он затратил на производство и, потому, сколько другого товара он может выменять за свой товар. Если, например, ремесленник выносит на рынок продукт, над изготовлением которого он трудился с нормальной интенсивностью целый год, то он прикидывает, сколько и какого товара он должен выменять на свой продукт, чтобы иметь возможность в течение **следующего** года, не разгибая спины, но и не умирая от голода и холода, трудиться над новой годовой порцией своего товара. На этой же основе осуществляется и

современный «бартер» между крупнейшими компаниями. Величину притягательности своего продукта, товаровладелец может **оценить** только через некоторое количество другого товара, который бы ему хотелось бы выменять на рынке, в том числе и золотого, стоимость которого должна быть равна стоимости первого товара. Но для этого, все-таки, нужно, хотя бы приблизительно, представлять стоимость своего продукта в величинах собственных затрат.

Когда еще не было денег и, следовательно, современного представления о слове «цена», оценка, т.е. **определение** величины **стоимости СВОЕГО** товара, осуществлялась не с помощью денег (золотых или бумажных), как сегодня, а через стоимость какого-либо иного товара, равную, т.е. эквивалентную, стоимости СВОЕГО товара. Поскольку мои оппоненты не читали «Капитал», поэтому, как и ремесленники древнего Египта, они плохо понимают этот способ определения величины стоимости товара. Ремесленники это тоже не понимают вполне, но интуитивно сравнивают не только потребительные стоимости товаров, а их **стоимости**, которые и предопределяют, в конце концов, весовые или штучные пропорции обмена. Например: 100 кг зерна = 2 топорам. Но для этого, как не верти, нужно хоть чуть-чуть догадываться, сколько **стоит** или во что обходится **самому** ремесленнику производство его товара, и, прежде всего, сколько времени он затратил на производство зерна, чтобы иметь возможность определить, сколько зерна нужно отдать за топор, чтобы не прослыть на рынке мифологическим дураком.

Когда же появились золотые деньги, то многие стали выражать величину стоимости своего товара через стоимость золота, заключенную в полновесных монетах. На долгие века **величина стоимости** некоторого количества золота, эквивалентная стоимости любого иного товара, стала называться **ценой товара**. Поэтому, думаю, что **нормальные** читатели «Прорыва» поняли, что выражение «**стоимостная оценка**», есть сокращенное обозначение процесса измерения стоимости своего товара через стоимость иных товаров, независимо от того, присутствует на рынке золото или ещё нет. Но и после появления золота, владелец товара всегда **оценивал стоимость** не только товара, но и золота, предлагаемого ему в качестве эквивалента стоимости товара. Поэтому цена золота и на современном рынке всегда колеблется, отражая колебание мнений товаровладельцев относительно те-

кущей стоимости золота в слитках. В непонимании этой проблемы и коренится причина загнивания Испании и Португалии в эпоху конкисты. Когда их рынки переполнились золотом и серебром инков, продавцы за прежние предметы потребления стали требовать все более высокую плату золотом, и его опять стало катастрофически не хватать для осуществления испанских и португальских имперских устремлений.

УМЕТЬ НЕ ТОЛЬКО ЧИТАТЬ И ЗАПОМИНАТЬ, НО И ПОНИМАТЬ МАРКСА

Честно говоря, берясь за тему денег, я как раз и рассчитывал, что молодые люди, которым ещё трудновато понимать Маркса, осилит эту проблему в моем, несколько облегченном и сокращенном варианте. Частично эту проблему решить удалось. Даже сивым мерлинам с их средневековыми навыками чтения оказалось под силу прочитать **всю** мою статью. Однако дальше чтения дело у них не пошло. Теперь мне стало еще понятнее, для кого Маркс так старательно «разжевывал» каждый эпизод рыночной жизни.

Поэтому для тех же, кто хочет понять суть учения Маркса по этому вопросу, приведу фрагмент из «Капитала» в надежде, что он усилит в некоторых читателях желание прочитать подлинник в полном объёме. Маркс всегда с большим уважением относился к читателям и старался все проблемы излагать доказательно.

В частности, Маркс пишет:

*«...Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как **стоимости**, люди приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они не сознают этого, но они это делают. Таким образом, у **стоимости** не написано на лбу, что она такое. Более того: **стоимость** превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф. Впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта,*

потому что **определение предметов потребления как стоимостей** есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык. Позднее научное открытие, что продукты труда, поскольку они суть стоимости, представляют собой лишь вещное выражение человеческого труда, затраченного на их производство, составляет эпоху в истории развития человечества, но оно отнюдь не рассеивает вещной видимости общественного характера труда. Лишь для данной **особенной** формы производства, для **товарного** производства, справедливо, что специфически общественный характер не зависимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда вообще и что он принимает форму **стоимостного** характера продуктов труда. Между тем для людей, захваченных отношениями товарного производства, эти специальные особенности последнего — как до, так и после указанного открытия — кажутся имеющими всеобщее значение, подобно тому, как свойства воздуха — его физическая телесная форма — продолжают существовать, несмотря на то, что наука разложила воздух на его основные элементы. **Практически** лиц, обменивающихся продуктами, интересует прежде всего вопрос: **сколько чужих продуктов можно получить за свой, т. е. в каких пропорциях обмениваются между собой продукты? Когда эти пропорции достигают известной прочности и становятся привычными, тогда КАЖЕТСЯ, будто они обусловлены самой природой продуктов труда.** Так, например, равенство стоимости одной тонны железа и двух унции золота воспринимается совершенно так же, как тот факт, что фунт золота и фунт железа имеют одинаковый вес, несмотря на различие физических и химических свойств этих тел. В действительности стоимостный характер продуктов труда утверждается лишь путём их проявления как стоимостей определённой величины. Величины **стоимос-**

тей непрерывно **изменяются**, независимо от желания, предвидения и деятельности лиц, обменивающихся продуктами. В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того чтобы его контролировать. Необходимо вполне развитое товарное производство для того, чтобы из самого опыта могло вырасти научное понимание, что отдельные частные работы, совершаемые независимо друг от друга, но всесторонне связанные между собой как звенья естественно выросшего общественного разделения труда, постоянно приводятся к своей общественно пропорциональной мере. Для появления этого научного понимания необходимо вполне развитое товарное производство потому, что общественно **необходимое** для производства продуктов рабочее время прокладывает себе путь **через случайные** и постоянно колеблющиеся меновые отношения продуктов частных работ лишь **НАСИЛЬСТВЕННО** в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения, **КОГДА НА ГОЛОВУ ОБРУШИВАЕТСЯ ДОМ.**

Определение величины стоимости рабочим временем есть поэтому **ТАЙНА**, скрывающаяся под видимым для глаз движением относительных товарных стоимостей. **Открытие** этой тайны устраняет иллюзию, будто величина стоимости продуктов труда определяется чисто случайно, но оно отнюдь не устраняет **вещной** формы определения величины стоимости.

Ясно, что прочесть и понять за один раз всё это нашим мерлинам не под силу. Сегодня, когда уже «дом» на их голову обрушился, когда кризис насильственно, через массовые самоубийства, восстанавливает нарушенные предпринимателями пропорции, они так и не поняли, что именно разрушение всего и вся и есть проявление закона стоимости.

Однако уверен, что постоянные читатели «Прорыва» поняли, что такое «стоимостная оценка товара», т.е. достаточно житейская операция оценки способности своего товара обме-

ниваться на ожидаемое количество иного товара, будь то хоть само золото. Где здесь фантом, в чем ахинея? Надеюсь, что месяца через четыре это дойдет и до Мерлина, будет отражено в «Дискуссионном листке», напечатанном, как всегда, сикось-накось, шиворот навыворот.

СКОЛЬКО РАЗ В ДЕНЬ НЕОБХОДИМО ПРОИЗНОСИТЬ СЛОВО КЛАСС, ЧТОБЫ СТАТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ?

Но всё это мелочи, которые, по мнению Мерлина, не стоят даже опровержений. Главное обвинение, брошенное мне из кустов моими оппонентами, состоит в следующем:

«Ключевая ошибка Подгузова, - пишет Мерлин, - заключается в том, что он абсолютно не учитывает объективный факт, на который опирался Маркс: общество, где действуют товарно-денежные отношения, является классовым обществом и все социальные и экономические отношения в нем определяются взаимодействием классов, конкретно - классовой борьбой. В самом тексте статьи слово «класс» употребляется только один раз, и то в определении Подгузова «класс купцов». Все описанные Подгузовым явления «неэквивалентного обмена» и т.п. имеют единственно верное объяснение - эти явления формируются и имеют место в ходе взаимодействия классов общества, более или менее антагонистичных друг другу».

Одна фраза, а какая богатая на глупости. А оборот: «...и то в определении Подгузова «класс купцов...», (дескать, купцы, разве это класс) свидетельствует, что мои оппоненты, видимо, относят купцов к интеллигентской прослойке, а не к классу эпохи перехода общества от варварства к цивилизации и становлению монетарной формы денежного обращения.

Странно, что мои оппоненты не взяли себе другой звучный импортный псевдоним, например, «швайнехунды», поскольку только у них, систе-

матически критиковавших все мои статьи, могла родиться грязная мысль о том, что Подгузов избегает классового подхода. Уважаемый читатель, теперь-то вы понимаете, в чем состоит «классовый» подход моих оппонентов. Оказывается, в частоте применения слова «класс». Примени я это слово к месту и не к месту в своей статье десятков-другой раз, глядишь, сошел бы за своего и в этой компании. Но чего-то не тянет.

Компания моих оппонентов не знает простой вещи, что классовое общество возникает вовсе не в связи с товарно-денежными отношениями, и многие тысячелетия товарно-денежные отношения существовали между представителями наиболее ничтожных слоев общества - наемными солдатами и проститутками, не являясь базисом рабовладельческого общества. Ни в одном аристократическом захоронении Древнего Египта или античной Греции, при обилии золотых украшений, не найдено денег, этого, искренне презираемого аристократами, символа товарно-денежных отношений. Империи инков, майя и ацтеков, будучи несомненно классовыми, узнали о деньгах только с приходом европейских бандитов. Поэтому душераздирающее открытие моих оппонентов, о том, что товарно-денежные отношения есть отношения классового общества, содержит в себе столько же мудрости, сколько и утверждение, что общество, в котором есть каменные постройки, является классовым обществом. Иными словами, мои оппоненты не знакомы с марксистской теорией возникновения классов, даже приблизительно.

Судя по степени категоричности замечания Мерлина, можно сделать вывод, что мои оппоненты знают, сколько раз нужно использовать, и сколько раз Маркс использовал слово «класс» в первой главе первого тома «Капитала», в которой, как раз, рассмотрены проблемы возникновения и сущности денег, чему, собственно, и я, грешный, посвятил всю свою двадцатистраничную статью. Уверен, что теперь-то и моих оппонентов тоже заинтересовал этот вопрос. «Сколь же раз?». Уверен, что их осенила страшная догадка. Спешу обрадовать. **Ноль раз.** Не удивлюсь, если они, прочтя это, наконец, побегут к «Капиталу» и будут искать слово «класс» в первой главе.

В ней Маркс продемонстрировал то, как нужно мыслить, чтобы **научно**, в диалектической форме разъяснить читающим и думающим пролетариям проблему развития форм производ-

ственных отношений стоимости вплоть до возникновения денежной формы этих отношений, а также первых форм денежного материала и последней его формы - полноценных золотых денег. Как видите, Маркс раскрыл эту проблему, ни разу не прибегнув к слову «класс».

Ясно, что Подгузову не хватило диалектической образованности. Пришлось один раз всё-таки прибегнуть к слову «класс», чтобы облегчить себе задачу. Более того, и тайну товарно-денежного фетишизма в этой же главе Маркс раскрывает, ни разу не применив слова «класс». Попутно, прошу Мерлина, при встрече с Ферберовым, Пугачевым и Новиковым, обогатить их этой информацией.

Ну, а сколько раз Маркс использует слово «класс» во второй главе первого тома «Капитала», тем более, что в ней, в самой сущностной форме, рассматриваются вопросы обмена товара на деньги, а денег на товары владельцами денег и товаров? Оказывается, тоже **ни разу**, если не считать выражения «классы жиरोобразующих веществ».

Разумеется, в последующих главах Маркс использует слово «классы» и даже «классовая борьба», но, как всегда, **строго к месту**, начиная со 147 страницы, т.е. написав уже более 18% первого тома и подготовив читателей к научному восприятию понятия «класс» в связи с ясностью в вопросе о деньгах.

Хорошо ещё, что наши дремучие мерлины не были первыми читателями «Капитала». Ох, и врезали бы они Марксу за то, что при рассмотрении такого важного вопроса, как происхождение и сущность денег, он обошелся без «классового подхода» в мерлинском понимании этого слова.

Если бы у Мерлина вместо чванства был бы хоть один мозг на троих, то, прежде чем критиковать Подгузова за отсутствие должного количества слова «класс» в тексте, он почитал бы главы «Капитала» о деньгах, и одной ахинеей в его заметке было бы меньше. Надеюсь, и читатели этой статьи поймут, сколь глупо, несостоятельно «ключевое» обвинение мерлинов в мой адрес, и как «внимательно» мои критики «читали»... фигу в «Капитале».

Наши партийные мерзавцы, водя рукой Мерлина, пишут, что Подгузов игнорирует факт, на который, якобы, опирался Маркс: «общество, где действуют товарно-денежные отношения, является классовым обществом и все социальные и экономические отношения в нем

определяются взаимодействием классов, конкретно - классовой борьбой». Т.е. авторы заметки нагло приписывают Марксу, во-первых, то, что он вообще не писал в главах, посвященных анализу исторических предпосылок, причин возникновения и сущности денег, а во-вторых, они вообще не понимают учения Маркса о диалектике экономических, т.е. производственных отношений и классовой борьбы. Здесь они стоят ниже любого средневекового схоласта.

Но и это не всё. Оказывается, люди, трусливо и подло, впутавшие Мерлина в полемику, вообще не знают, в чем заключается классовый подход коммуниста к общественным явлениям. Почему классу пролетариев нужна политическая партия? Чем отличается коммунист от пролетария? Хотя это всё написано еще в «Манифесте». Но трагедия подписантов в том и состоит, что и Манифест КП они «прочли», но не поняли ещё глубже, чем «Капитал».

Между тем, пролетариями умственного и физического труда в буржуазном обществе становятся именно те, кто не способен **НАУЧНО** оценить обстановку и свое положение в обществе. В **невежестве** подавляющего большинства пролетариев умственного, физического и сексуального труда, в том числе и представителей многих наемных инженерных, военных, чиновных профессий, и состоит **особенность** их классового подхода, который, разумеется, порождает и классовую борьбу, и оппортунизм, но не может привести к победе, что убедительно доказывают последние более чем 200 лет бесплодного экономического сопротивления пролетариев Запада.

Классовый подход коммунистов резко отличается от собственно пролетарского тем немногим, что исходным пункта коммунистической формы классового подхода, является его **НАУЧНОСТЬ**. Этим коммунистический классовый подход резко отличается, например, и от рабовладельческого, феодального, капиталистического и даже от чисто пролетарского.

По Мерлину получается, что денежные отношения вырастают из классовой борьбы и объясняются классовой борьбой, хотя у Маркса все наоборот, сначала возникают товарные отношения ещё без классов, а затем денежные отношения, всё еще в весьма **безобидной неклассовой** форме и только по достижении определенного количественного размаха (т.е. в соответствии с законом качественных скачков под воздействием количественных изменений) начи-

нается формирование **нового** класса, для которого деньги превращаются в самоцель, а уж затем, по достижении определенного масштаба, этот новый класс, прежде всего, класс купцов, вступает в борьбу с феодалами, которая завершается для многих аристократов гильотиной. Разумеется, в этом процессе сыграли определенную роль и ростовщики, и мелкие ремесленники, и ничего не понимающие немногочисленные пролетарии, но «главную скрипку», несомненно, сыграл **класс купцов**, как бы это не нравилось моим невежественным оппонентам.

Наберитесь терпения, уважаемые читатели: вновь отправляемся за советом к Марксу, как это делаю я всегда, прежде чем братья за перо.

Уже в Манифесте Маркс и Энгельс пишут, что *«история всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»*. Естественно, далее следует перечень этих классов:

«Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый, в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов».

Как видим, не только рабовладелец и раб, но и свободный человек и раб в рабовладельческом обществе находятся в системе классовой борьбы. Более того, если кто и охотился за рабами, травил их собаками, то это делали именно свободные люди, но плебеи.

И далее:

«В предшествующие исторические эпохи мы находим почти всюду полное расчленение общества на различные сословия, - целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века - феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих КЛАССОВ - еще особые градации».

Как видим, классики диалектики, начав рассуждение с наиболее общей категории «сословия», традиционно используемой для характеристики структурных элементов общества, приводят читателя к выводу о том, что все перечисленные **сословия**, характеризуются наличием

существенных отличий друг от друга, и поэтому эти сословия следует называть **классами**.

Но наш сивый Мерлин не знает вообще, что существуют **общенаучные** категории, которые с **одинаковым** успехом применяются в разных науках, поскольку ученые давно пришли к выводу о том, что именно следует обозначать этими категориями. Поэтому, например, такие слова как род, вид, группа, **класс** – одинаково применимы и в физике, и в биологии, и в социологии. Но слово «сословие» применимо только по отношению к сообществу людей.

Сословие - это широкое понятие, принятое для обозначения больших и малых групп людей, обладающих выраженными различиями в их социальном положении. Класс же, это общенаучный термин, принятый во всех науках для обозначения множеств, проявляющих себя как **противоположности**, или вообще **отрицающие** друг друга и потому состоящие в отношениях антагонистического **противоборства**. Противоборствующие сословия в марксистской науке и обозначают словом «класс». Правда, слово «класс», для обозначения сословий, занимающих существенно различные положения в экономической жизни общества, гораздо раньше Маркса, стал применять доктор Кенэ, но паразитизм класса землевладельцев он обозначил лишь теоретически, завуалировано, и вопрос об политических отношениях между этими классами общества им ещё не ставился. До Маркса паразитизм класса землевладельцев обличал и Риккардо. Он предлагал ликвидировать земельную собственность как феодальный пережиток, но без ликвидации рыночного капитализма. **Наблюдательный** Маркс заметил в этом вопросе больше, чем Кенэ, Риккардо и поэтому сделал классовый подход обязательным элементом теории о законах развития общества через **борьбу**, прежде всего, классов, хотя в этой борьбе могут участвовать и дети, и офицеры, и поэты, т.е. не только классы. Однако, как было показано, Маркс, в отличие от Мерлина, применял классовый подход строго уместно.

С другой стороны, поскольку некоторые сословия, в силу своих специфических отличий, заняли по отношению к другим сословиям не только положение противоборствующей стороны, а положение **угнетателей**, постольку у теоретиков возникла потребность сгруппировать сословия по признаку угнетенных и угнетающих сословий. Но раз выявилось то противоположное, что свойственно сословиям, значит появля-

ется **логическое** основание ставить их и в теории именно в **антагонистические** отношения к другим сословиям и поэтому, тем более, возникает необходимость применить слово «класс». Т.е. классом имеет смысл называть не отличающиеся друг от друга сословия, а **борющиеся** друг с другом во имя реализации интересов или задач именно своего класса. **Борьба**, а не отличие, является визитной карточкой состоявшихся классов. Нет нацеленности на борьбу, значит, мы имеем дело с сословием, сознание которого содержит всё необходимое для роли раба, пусть даже наемного.

Иной вопрос, что некоторые угнетающие классы были, одновременно, и угнетенными вышестоящими угнетателями, но они тоже находились в состоянии перманентного противоборства, а потому, порой исчезали как классы вместе. Например, класс крупных феодалов и класс вассалов, цеховых мастеров, борьба которых против крупных феодалов и победа над ними, превратила вассалов и цеховых мастеров в пролетариев, свободных от тирании крупных феодалов, но очень голодных.

И что, если Маркс в первом разделе Манифеста в кратком перечне сословий не упомянул купцов и ростовщиков, то, разве это должно вызывать панику, дескать, теперь ни в коем случае нельзя ещё раз внимательно и самостоятельно присмотреться к устройству феодального общества и увидеть в нем еще один-другой класс, который не вошел в приведенный выше перечень сословий, но является едва ли не главным инициатором и провокатором **буржуазных** революций. Он существовал уже при рабовладении, но не мог сыграть существенной роли, поскольку обдирать до нитки ему приходилось и без того нищих ремесленников, а денежные отношения, в силу своей эпизодичности, еще не стали базисом формации.

В еще больший суеверный ужас должно повергнуть моих оппонентов то, что Маркс в «Капитале» называет **должников** и **кредиторов**... классами.

«Так, например, - пишет Маркс, - в античном мире классовая борьба протекает преимущественно в форме борьбы между должником и кредитором и в Риме кончается гибелью должника-плебея, который замещается рабом. В средние века та же борьба оканчивается гибелью должника-феодала, который утрачивает свою поли-

тическую власть вместе с утратой её экономического базиса. Однако денежная форма, — а ведь отношение должника к кредитору обладает формой денежного отношения, — здесь лишь отражает в себе антагонизм глубже лежащих экономических условий жизни».

Этой цитаты, естественно, нет ни в одном учебнике, поэтому её не знают и мои оппоненты.

Как видим, Маркс называет классами совсем необычные для профессорской науки КПСС социальные слои и вовсе не товарно-денежные отношения определяет в качестве причины классовой борьбы в те эпохи. Он весьма детально доказывает, что денежная ФОРМА отношения (в данной конкретной эпохе) лишь ОТРАЖАЕТ «антагонизм глубже лежащих экономических условий жизни» и не является при рабовладении и феодализме **причиной** классовой борьбы, происходящей именно в рамках этих формаций. Представляю, кем бы меня назвали оппоненты, если бы я использовал выражение «класс должников» или «класс кредиторов» без ссылки на Маркса. Иной вопрос, что на стадии разложения феодализма товарно-денежные отношения превращаются в базис будущей капиталистической формации и потому порождают новые формы и содержание классовой борьбы, но уже за устранение феодального базиса.

Меня мало волнует, дойдет ли это до сознания моих средневековых оппонентов. Мне важно, чтобы читающий рабочий не схематизировал понятия «класс», «классовый подход», «классовая борьба». Научное понимание этого вопроса Лениным позволило ему поднять на классовую борьбу пролетариат России в союзе с классом мелкобуржуазных крестьян и, очень часто, мещанствующей прокладкой интеллигенции.

Мои оппоненты не понимают, что в Манифесте Маркс обращал внимание читателей на пестрый классовый состав именно **рабовладельческого и феодального** общества, имеющий непосредственное отношение к феодальному базису. Купцы и в те времена уже являлись классом, но не типичным для базиса феодальной формации. Поэтому в **конкретном** перечне классов, имманентных **рабовладению и феодализму**, класс купцов не значится.

В работе «К критике политической экономии» Маркс так характеризовал купеческий класс:

«Здесь достаточно простого указания на промежуточные формы, [Zwitterformen] при которых прибавоч-

ный труд уже не выжимается из производителя путём прямого принуждения, но не наступило ещё и его формальное подчинение капиталу. Тут капитал ещё не овладел непосредственно процессом труда. Наряду с самостоятельными производителями, которые занимаются ремеслом или земледелием на основе традиционных прадедовских способов, выступает ростовщик или купец, ростовщический или торговый капитал, который, как ПАЗИТ ВЫСАСЫВАЕТ их. Преобладание в обществе этой формы эксплуатации исключает капиталистический способ производства, хотя, с другой стороны, она может составить переходную ступень к нему, что и было в конце средних веков».

Ясно, что эквивалентный обмен и паразитическое высасывание - это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Но в двадцать первом веке мои оппоненты не разглядели в купечестве класса паразитов, хотя Маркс указывает на его противоположность иным классам эпохи рабовладения и феодализма, в том числе, на рекордный его паразитизм, не уступающий ростовщическому, а по эффективности превосходящий феодальный.

Поражает то обстоятельство, что мои оппоненты путают вопрос о теоретической эквивалентности предпринимателя при покупке товара «рабочая сила» с неэквивалентностью оплаты капиталистами всего труда, затраченного непосредственным производителем. Если бы мои оппоненты когда-нибудь читали «Капитал», то они заметили бы, что Маркс отвел много места в «Капитале», доказывая, что **никогда и нигде** рабочая сила не оплачивалась капиталистами по её стоимости, что они используют массу ухищрений для того, чтобы **обмануть** рабочих при покупке их рабочей силы ради увеличения абсолютной прибавочной стоимости. Но, во-первых, я не ставил целью своей статьи рассмотрение именно этого вопроса еще раз, во-вторых, я пишу, в основном, об эпохе становления денег как удобного средства маскировки именно неэквивалентного обмена, и, в-третьих, общая беда моих оппонентов в том, что они не читали и уже не прочтут тех мест в «Капитале», где Маркс пишет о том, что деньги ВОЗНИКЛИ на основе эквивалентности в ходе простого, а не капиталистического товарного обмена, но, по мере

своего количественного роста, изменили свое качество, как и предусмотрено диалектикой, на противоположное и превратились, сначала, в формальный, а затем, и реальный источник кризисов диспропорциональности при капитализме.

Беда моих оппонентов состоит в том, что им кажется, будто они умеют логически мыслить, а на самом деле, как пьяный за стенку, лишь повторяют, к месту и не к месту, один и тот же тот убогий, узенький наборчик цитат, который содержится в их слабеющей памяти.

Для того, чтобы понять, какое место занимало купечество в эпоху феодализма, какую роль играли его экономические отношения в системе феодального базиса, достаточно вспомнить роль, например, Новгородской республики в истории России, Ганзейского союза в Венеции, гугенотов и протестантов в истории Европы. Эти купеческие республики и купеческие религии демонстрировали всем, какому богу человечество будет молиться в недалёком будущем.

*«Мы видели, - пишет Маркс в работе «К критике политической экономии», - что деньги частично могут быть накоплены просто путем обмена эквивалентов; но это составляет столь незначительный источник, что исторически о нем не стоит даже и упомянуть, если допустить предположение, что деньги приобретены путем обмена собственного труда. На самом же деле деньги стали денежным богатством благодаря **ростовщическому** (в особенности применявшемуся также и по отношению к земельной собственности) и благодаря движимому имуществу, накопленному от **купеческих барышей**; вот это денежное богатство и превращается в капитал в собственном смысле — в промышленный капитал».*

Заметьте, во-первых, простой обмен эквивалентами, как показал Маркс, не способствует накоплению сумм, способных выступить в дальнейшем в роли капитала. В условиях феодализма только купцы и ростовщики обладают способностью накапливать денежное богатство более эффективно, чем феодалы, за счет абсолютно неэквивалентного «паразитического высасывания» стоимости из непосредственных производителей. Купцы раньше других классов феодального общества заметили, что сами

деньги высасывают из производителей, в том числе и из крестьян, ещё большие деньги эффективнее, чем кнут, которым феодалы выбивали деньги из крестьян.

Во-вторых, Маркс, характеризуя классовую структуру общества при феодализме, ещё не объединяет в один класс ростовщиков и класс купцов, поскольку ещё нет капитализма, и даже то, что они успели наворовать в ходе неэквивалентных денежных и товарных операций, не является капиталом в строгом научном смысле слова.

«Деньги и товары, - пишет Маркс, - точно так же как жизненные средства и средства производства, отнюдь не являются капиталом сами по себе».

Можно ли, находясь на марксистских позициях, в свете описанных фактов, не относить купцов эпохи рабовладения и феодализма к категории «класс», если они уже в эпоху феодализма образовывали гильдии, создавали международные союзы, республики, торговые флоты? Именно купцы, а не ростовщики первоначально сформировались и отличались от остальных классов новым, **денежным** способом получения **денежных** же доходов, контролем над решающей частью денежного и материального богатства общества. Именно купцы придали коррупции денежную форму (особенно на таможне), финансировали все мероприятия, связанные со свержением феодализма, постепенно забирали политическую власть в свои руки, и именно их денег оказалось достаточно для того, чтобы образовать промышленный капитал и промышленную буржуазию.

Тем не менее, все, что было сказано мной выше о природе классов, больше относится не к логическому, а к историкоскопическому способу доказательства истины, когда лишь факты подсказывают логике некоторые ответы на вопро-

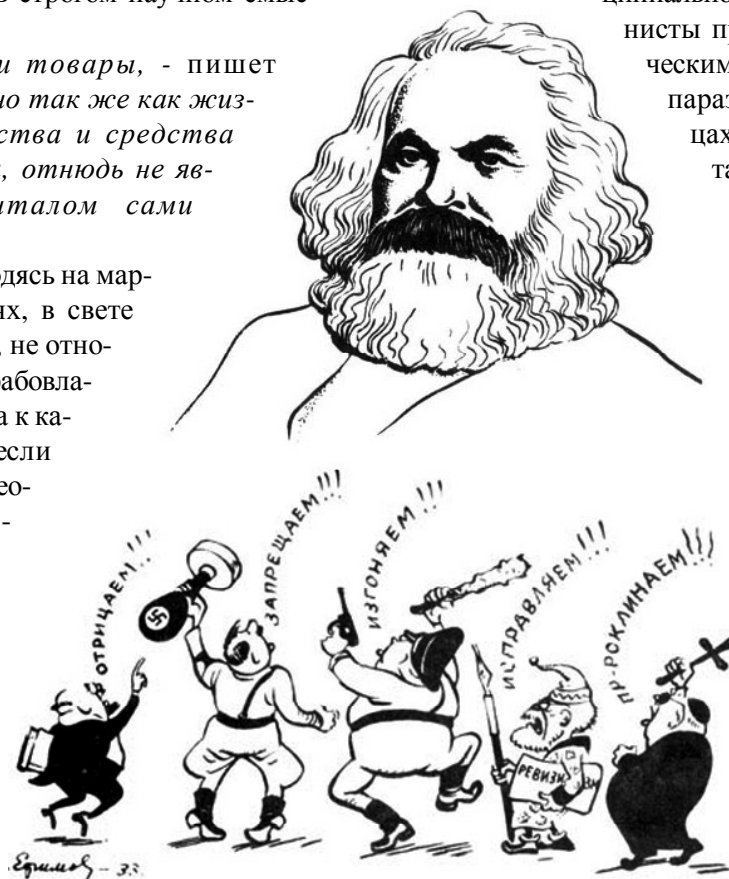
сы. Но такой метод постижения истины, в лучшем случае, дает ответы лишь «задним числом» и не позволяет осуществлять научно обоснованное предвидение.

Разумеется, было бы проще не усердствовать в поиске логических доказательств, а просто найти у классиков соответствующую цитату, ткнуть Мерлина носом в неё и показать всему миру, какие Незнайки пытаются учить людей. Но для коммунистического движения принципиально важно, чтобы комму-

нисты привыкли к диаматическим рассуждениям, а не паразитировали на «святцах». Поэтому я и пытался убедить читателей в ценности не только словарной начитанности, но и умения строить логически целостные цепочки умозаключений. Хотя, поскольку на моих оппонентов отлично действуют и цитаты, поскольку они перед цитатами цепенеют, как кролики перед удавом, постольку, совершенно «случайно», в наших «кустах» и оказался «белый роуль» с подходящей цитатой.

В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс писал, что

*«цивилизация упрочивает и усиливает... возникшие до неё виды разделения труда, особенно путем обострения противоположности между городом и деревней..., и присоединяет к этому третье, свойственное лишь ей, разделение труда **решающего значения** - создает **КЛАСС**, который занимается уже не производством, а только обменом продуктов, а именно **КУПЦОВ**. До сих пор причины образования классов были связаны исключительно с производством; они вели к*

Карл и карлики. 1933

разделению занятых в производстве людей на руководителей и исполнителей или же на производителей большего или меньшего масштаба. Здесь **впервые** появляется класс, который не принимает **никакого** участия в производстве, захватывает в общем и целом руководство производством и экономически подчиняет себе производителей, становится неустрашимым посредником между каждыми двумя производителями и эксплуатирует их обоих. Под предлогом избавления производителей от труда и риска, связанных с обменом, расширения сбыта их продуктов вплоть до самых отдаленных рынков и создания тем самым якобы наиболее полезного класса населения образуется **класс паразитов**, класс настоящих общественных **тунеядцев**, который в вознаграждение за свои в действительности весьма незначительные услуги снимает сливки как с отечественного, так и с иностранного производства, быстро приобретает громадные богатства и соответствующее им влияние в обществе и именно поэтому в период цивилизации захватывает все более почетное положение и все более подчиняет себе производство, пока, наконец, сам не создает свой собственный продукт - периодические **торговые кризисы**.

Впрочем, на рассматриваемой нами ступени развития молодое **купечество** еще не имеет никакого представления о тех великих делах, какие ему предстоят. Но оно формируется и **становится необходимым**, и этого достаточно. **А вместе с ним появляются металлические деньги**, чеканная монета, и с металлическими деньгами - новое средство **господства производителя** над производителем и его производством. Был открыт товар товаров, который в скрытом виде содержит в себе все другие товары, волшебное средство, способное, если это угодно, превращаться в любую заманчивую и желанную вещь. **Кто обладал им, тот властвовал над миром производства**. А кто прежде всего обладал им? **Купец**. Культ денег был в его надежных руках. **Он взял на себя заботу возвестить, что все товары, а с ними и все товаропроизводители должны с благоговением повергнуться в прах перед деньгами**.

Он доказал на практике, что все другие формы богатства всего лишь тень перед этим воплощением богатства как такового. Никогда впоследствии **власть денег** не выступала в такой первобытно грубой и насильственной форме, как в этот период их юности. **Вслед** за покупкой товаров на деньги появилась денежная **ссуда**, а вместе с ней - процент и **ростовщичество**. И ни одно законодательство позднейшего времени не бросает должника столь жестоко и беспощадно к ногам кредитора-ростовщика, как законодательство Древних Афин и Рима, - а то и другое возникло спонтанно как обычное право, исключительно в силу экономической необходимости».

В своей статье о деньгах я попытался сформулировать аналогичные положения, но в несколько сокращенном виде. В частности, я писал, что по мере превращения металлических денег в устойчивый элемент рыночных отношений, «воплотилась в жизнь вековая мечта отдельных наблюдательных людей: превратить случайные хаотичные ошибки всех производителей при стоимостной оценке своих товаров в систематические, односторонние, постоянно растущие, усиленные психозом теории и практики «снижающейся полезности», «предельной полезности» и т.д., уловить эти погрешности при помощи обмена на нетленный товар (деньги) и сосредотачивать эти погрешности в виде денежной формы прибыли в руках постоянно сужающегося круга частных лиц. Так возник **класс купцов**, т.е. людей, которые вообще переселились из сферы производства исключительно в сферу обращения и монополизировали за собой право покупать у всех остальных производителей товары за золотые монеты, т.е. делать из производителей натуральных продуктов хронических носителей обязанности ошибаться в расчетах, относительно истинной стоимости своего продукта». Судя по реакции большинства наших читателей, они не нашли никакого принципиального отступления от учения марксизма. Но в семье не без урода.

Иной вопрос, что после победы над феодализмом бывшие купцы и ростовщики образовали новый класс, буржуазию, разделив между собой различные стадии обращения единого общественного капитала, претендуя на доли прибавочной стоимости, пропорциональные размерам авансированного ими капитала. Они оформили базис и надстройку капиталистической формации и стерли некогда заметные различия между собой, стерли различия в способе высасывания

прибавочной стоимости из жил всех остальных классов и сословий, сохранив только текущее различие в порядке нулей после единицы в банковских счетах.

Маркс и Энгельс уже в Манифесте доказали, что буржуазный способ производства упрощает классовую **структуру** общества, сводя её к буржуазии и пролетариату. Но этот вывод был сделан применительно к **тенденции** развития классического капитализма, а не как к окончательно свершившемуся факту. Даже в Англии, если учесть её паразитирование на патриархальных укладах **колоний**, пролетариат и буржуазия не брезговали феодальными и работорговыми пережитками.

Но мои оппоненты поняли учение марксизма по данному вопросу, как всегда, т.е. глупо. Им показалось, что упростились и гносеологические корни теории классов и классовой борьбы. Между тем, независимо от того, сколько классов существует в буржуазном обществе они остаются классами, причем, несравненно более сложными, чем класс рабов и рабовладельцев.

Ленину, после гражданской войны в России, а затем и Сталину, пришлось столкнуться с многоукладностью российского общества, т.е. с поликлассовым его устройством, а Сталину, в 50-е годы, пришлось констатировать наличие **класса...** колхозного, кооперативного крестьянства, оторвать который от хвоста своей родной и даже кооперативной коровы и превратить его в класс нормальных людей творческого труда и гарантированной пенсии оказалось делом огромной трудности. Сегодня российские крестьяне опять потерпели сокрушительную победу над общиной, над социализмом. Опять, как и при Николае кровавом, накануне Цусимы, в российскую армию и на флот потянулись полностью неграмотные крестьянские сыны.

Анекдотичность ситуации состоит и в том, что, если теперь, после обильного цитирования трудов классиков спросить моих оппонентов, какова объективная **причина** возникновения классов, они и теперь её не назовут даже под страхом смертной казни, поскольку в цитате речь идет преимущественно о классе купцов, а не о классах вообще. Они, в лучшем случае, могут что-нибудь заучить, как стишок, но построить логические цепочки, ведущие к истине, не способны. «Пирровы победы», одержанные ими в боях местного значения за счет пакости, подтасовок и мелкой лжи, сделали своё дело: творческое самостоятельное мышление у них угасло навсегда.

Вдумчивым же и наблюдательным читателям «Прорыва» напоминаем, что Маркс, раскрывая объективные причины деления общества на классы, писал:

«Отделение интеллектуальных сил процесса производства от физического труда и превращение их во власть капитала над трудом получает своё завершение, как уже указывалось раньше, в крупной промышленности, построенной на базе машин. (С.434)

И далее:

«Пока процесс труда является чисто индивидуальным, один и тот же рабочий объединяет все те функции, которые впоследствии разделяются. При индивидуальном присвоении предметов природы для своих жизненных целей рабочий сам себя контролирует. Впоследствии его контролируют. Отдельный человек не может воздействовать на природу, не приводя в движение своих собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяются умственный и физический труд. Впоследствии они разъединяются и доходят до враждебной противоположности.» (С. 516.)

Короче говоря, тем, кто понимает объективную природу субъективных явлений, т.е. диалектику объективного и субъективного, тот легко поймет, что важнейшей предпосылкой расползания людей на противоположные классы является их отношение к развитию своего ума. Легкомысленные люди при производстве средств существования полагаются, преимущественно, на физический труд и, как всякие трудолюбивые, но недалёкие люди, образуют класс наиболее бедных, эксплуатируемых людей, а люди, развивающие своё хитроумие, привыкшие, прежде чем пошевелить пальцем, **наблюдать, думать**, образуют класс, использующий в своих корыстных целях узкое мышление трудолюбивых людей, мастерски обирают их и приговаривают во всех СМИ, с трудом пряча ехидную ухмылку: «Трудолюбие - источник богатства», не объясняя, богатства **в чьих руках**.

Т.е. важно понять, что только на самых ранних этапах истории труд разделялся по различ-

ным формам труда (пастух, землепашец, кузнец), требующим приблизительно одинаковых пропорций умственных и физических затрат. Такое общество содержало в себе представителей разных полезных профессий, но не классов. Наблюдательные же люди сознательно старались уменьшить затраты времени на изнурительный физический труд и увеличить время, затрачиваемое на приятный «труд», сам процесс которого не несет в себе изнуряющего однообразия. И именно это, сознательное стремление части членов общества к сокращению времени физического труда без потери объемов потребления и, в конце концов, разделило общество на антагонистические классы.

Но и это ещё не всё.

Скромная политическая экономия старалась представить дело так, как будто это происходило случайно, само собой, неосознанно, что паразитизм определенного числа человекообразных не имеет объективных предпосылок. Между тем, **паразитизм** части человекообразных лучше, чем разительное сходство отдельных людей с различными породами обезьян, доказывает, что процесс очеловечивания биологически коснулся разных прямоходящих особей в разной степени.

Разные **физиологические** задатки людей являются **объективной** предпосылкой деления общества на классы. Эти предпосылки проявляют себя не по воле субъекта, а только при определенных исторических условиях, порожденных уровнем **развития производительных сил**. Подобно тому, как желание броситься под проходящий поезд не может возникнуть раньше производства паровозов, точно так паразитические наклонности отдельных людей не могут проявить себя со всей определенностью раньше, чем возникнет определенная масса прибавочного продукта. Только после этого в некоторых людях проявляется то, что систематически мы наблюдаем в стаях, например, пожирателей падали, т.е. борьбу между кланами гиен, между гиенами-олигархами и гиенами-плебеями.

Некоторых современных человекообразных до слез обижает, что миллионы лет тому назад некоторые виды обезьян пережили мутацию, расстались с частью шерсти и превратились в царей природы. Но, верующим в свое божественное происхождение необходимо выдержать ещё один удар. Все живое на земле начало развиваться из простейших одноклеточных, организмов. Это с очень высокой степенью определенности доказали геология, палеонтология. Одни простей-

шие превращали в жизнь солнечную энергию, природные газы и минералы, другие поедали отходы первых, а третьи пили соки жизни и из первых и вторых. Эти различные способы добычи средств существования миллионы лет фиксировались в «памяти» клеток, и сегодня клетки мозга разных существ (в том числе и у людей) содержат на генном уровне кодировку,

- сближающую большинство людей с преобразователями природы,
- выделяющую некую обширную прослойку людей - сходных с пожирателями разных видов отходов, т.е. наши оппортунисты и мои оппоненты,
- выделяющую, наконец, меньшинство – сходное с паразитами (с «щипачами» и олигархами).

Между рефлексам пчелы и рефлексам клопа существует гигантская пропасть. Эти же рефлексы (в разной пропорции) гнездятся и в сознании современного человека и, даже при одинаковых дипломах, превращают одного человека в демиурга, а другого – в паразита олигархического масштаба, перед которым меркнет паразитизм всех кровососущих паразитов из класса насекомых.

Но это объективное различие, ни в коей мере, не является основанием для оправдания расизма или нацизма, поскольку **КАЖДАЯ** раса и нация состоят из меньшинства с задатками паразитов и большинства с задатками созидателей. Одни посылают своих братьев по расе и нации в шахты, в окопы и на ипотеку, а другие, в силу излишней доверчивости, сами лезут в шахты, окопы и в ипотеку, ради того, чтобы, пославшие их на эти муки, сами тоже мучились... изжогой, вызванной обжорством или, головной болью... после вчерашней оргии с малолетками.

Парадокс или, точнее, подлость прошедших тысячелетий состоит именно в том, что паразитировать над большинством меньшинству помогала не начитанность, а более **предметное, целенаправленное** использование ума для решения очень **УЗКОЙ** задачи: как получать постоянно растущие порции плотских удовольствий, постоянно снижая, прежде всего, свои личные физические и временные нагрузки. Калигула, Нерон, Муссолини, Гитлер, Черчилль, Рузвельт, Сорос, Николай второй, Керенский, Солженицын, Горбачев, Аксенов, Ельцин, Новодворская, Евтушенко, - наиболее яркие представители того сорта прямоходящих млекопитающих, которые несли или пока еще несут в себе огромный заряд наце-

ленности на паразитические формы «изячной» жизни. Одни направляют в русло паразитизма весь свой политический и купеческий опыт, а другие - весь свой писательский, риторический или поэтический задаток.

Естественно, что разделение умственного и физического труда произошло задолго до рабовладения. Уже на стадии позднего первобытного общества, наиболее **наблюдательные** индивиды, заметившие, что можно не участвовать непосредственно в опасном деле охоты на буйвола или мамонта, а лишь бегать по краю поля, орать благим матом, махать руками, «руководя» маневрами загонщиков, непосредственно бегающими за буйволом. Если охота завершалась успехом, то махавший руками и оравший «тренер» и сами непосредственные охотники, по простоте душевной, считали его тоже важным элементом организации успешной охоты и наделяли его соответствующей порцией мяса. Ещё более наблюдательные люди поняли, что можно участвовать в охоте вообще не вставая с циновки, а организуя замысловатые ритуалы накануне охоты и, потребив наркотических грибков, побесновавшись, якобы общаясь с духами, пообещать, что теперь охота будет удачной. А поскольку охота была, чаще всего, действительно, удачной, это укрепляло институт шаманов и, одновременно, власть наблюдательных бездельников над соплеменниками.

Поразительно, что мои оппоненты отрицают объективный характер разной степени природной наблюдательности в людях. Они, наверно, не знают, что, например, в артиллерийские наблюдатели, для успешной работы с оптическими дальномерами, берут людей с максимально большим расстоянием между зрачками, поскольку только у таких людей наблюдается максимально точная визуальная оценка расстояния до объекта. Но определенный тип ещё более наблюдательных людей идет не в артиллерийские дальномерщики, а в область обвеса, обмера и обчета менее **наблюдательных** людей и образует класс купцов, банкиров и т.п.

Маркс, например, писал:

«Присмотревшись к делу внимательнее, мы увидим, что для каждого товаровладельца всякий чужой товар играет роль особенного эквивалента его товара, а потому его собственный товар — роль всеобщего эквивалента всех других товаров. Но так как в этом сходятся между собой все товаровла-

дельцы, то ни один товар не является всеобщим эквивалентом, а потому товары не обладают и всеобщей относительной формой стоимости, в которой они отождествлялись бы как стоимости и сравнивались друг с другом как величины стоимости» (С.96).

Как видим, Маркс не гнушался необходимостью «присматриваться к делу внимательнее», поскольку, только присмотревшись **внимательнее к явлению**, можно сообразить, что именно можно в нём понять, чтобы из стремления **всех** обменивающихся сторон к пропорциональности обмена извлечь себе одностороннюю выгоду. Наши же ленивые верхогляды привыкли за истину принимать первое, попавшее в их поле зрения.

Подобно тому, как «медвежатники», внимательно присмотревшись к устройству сейфа, догадались применять «гусиную лапку», чтобы извлечь из него деньги купца, точно так купцы, присмотревшись повнимательнее, догадались применять сами деньги для того, чтобы извлечь деньги из кошельков **всех остальных** своих современников, в том числе, и «медвежатников».

Но мои оппоненты настолько умственно атрофировались, что не могут присмотреться даже к собственному тексту и заметить в нём свою, вопящую благим матом, дурость.

А теперь, самое время, продемонстрировать эту самую вопиющую, упоительную глупость, на которую не способен ни Мюнхгаузен, ни Тартарен из Тараскона, ни дед Щукар.

СКАЗКИ О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ, ПОРОДИВШЕЙ ДЕНЬГИ, КОТОРЫЕ МЕРЛИН РАССКАЗЫВАЕТ ЧЛЕНАМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ МК НА НОЧЬ

Наш читатель, естественно, помнит, что, в качестве основного обвинения Подгузову была

выдвинута претензия в отсутствии у него «классового подхода». Естественно предположить, что мои оппоненты показали образец «классового подхода» и, хотя он занимает много места, целесообразно привести фрагмент полностью, чтобы у читателя было больше шансов найти в тексте образцы классового подхода, а тем более, классовой борьбы.

Честно говоря, завидую читателям «Прорыва», имеющим возможность прочесть совершенно неожиданный шедевр, написанный, естественно, на изысканном древнегреческом диалекте, но доступном для понимания членами любой группировки «гопников» с окраины славного древнегреческого города Тамбова.

«Чтобы не заниматься теоретическим многословием, - пишут мои оппоненты, - рассмотрим перепутанные Подгузовым процессы на простом примере. Итак, появление денег. Начнем с протоклассового или раннеклассового общества (в доклассовом ни денег, ни товарного обмена просто не существовало)». Итак, дорогой читатель, готовься к немногословному, КРАТКОМУ, неперепутанному, ясному, простому, несложному ответу на вопросы появления денег, товарного обмена, классов и классовой борьбы, без чего невозможно понять сущности денег. «Берем в качестве примера Грецию времен Троянской войны. Кто там у нас в господствующем классе? Возьмем самого известного и типичного представителя тогдашнего господствующего класса. Итак, представляю вам царя Агамемнона, собственной персоной. Сидит этот царь у себя в царском или тронном зале, что там у него было, на своем царском кресле и размышляет. О чем он размышляет царь Агамемнон? О том, как победить троянцев? Не угадали. О том, как стать царем всех греков? Тоже нет. О том, в какую глупость травил его дурак Менелай с этой своей бабой? Нет, нет и нет. Об этом всем, конечно, можно думать - но не часто, не долго и не яростно, а то рано или поздно свихнешься. А думает Агамемнон об одном: «Ну, вот я царь. Ну, вот есть у меня дом царский, кресло в нем стоит, сажу на нем

я. Есть у меня жена Клитемнестра - дура, блин - есть виноградники, быки, поля, зерно, масло, ткани. Рабыни у меня есть - ничо так бабы, но тощи, заразы, а ведь больше кормить их смысла нет. Дары мне почетные приносят регулярно. Могу я, как царь, свистнуть и собрать греков моих с оружием и пойдем кого-нибудь завоюем, если повезет. Только вот у меня, царя, душа болит! Ну соберу я их, греков этих, и что? Ну вот как понять, что я царь? Ну вот построить этих всех греков и их царей строю голыми - и где там буду я? Кто определит, где тут среди голых царь? Пожалуй, царем Ахиллеса скорее назовут, чем меня - у него пресс мощный, это бабы любят, да и некоторые греки тоже. О боги, за что мне этот пузец? Короче, как мне показать, что именно я, а не Ахиллес, к примеру, царь всех греков? Чтоб именно сразу увидели и сказали - вот это точно царь. Или даже так - вот это точно царь всех греков. Или лучше - вот это царь! Ну можно, чтоб добавили «это любимец богов», типа. Тоже приятно».

Тут к Агамемнону в его тронный зал входит привратник, швейцар или кто там у него исполнял эту должность.

- Эта, царь, - говорит привратник, - там к тебе какой-то мужик пришел.

- В Тартар его, - бурчит Агамемнон. - Не видишь, я тут думаю. Гони его, короче.

- Эта, - говорит привратник, - так что этот мужик говорит, что он купец.

- Ну и что? - спрашивает Агамемнон.

- Ну вот, - отвечает привратник, - пришел вот он к тебе. Торгует чем-то. Говорит, он из Фракии!

- Ну и хрен с ним, - бурчит Агамемнон. - Ладно, пусть зайдет.

Купец из Фракии заходит в тронный зал к Агамемнону. Вместе с ним в зал заходят Клитемнестра и толпа Агамемноновых домочадцев. Купец произносит речь о том, как велик и могуч царь Агамемнон.

- Короче, - бурчит Агамемнон, - что принес-то?

- Да вот это, - говорит купец, - тут вот полведра принес.

- Что это за хрень? - с подозрением спрашивает Агамемнон.

- А это вот золотой песок, - говорит купец. - У нас там его во Фракии в ручьях и горных речках моют. Вот и торгуем

- И что, что золотой песок? - интересуется Агамемнон.

- А вот, - говорит купец, - это ж золото.

Кузнец-медник у ты, царь, имеется? Пусть расплавит его и получится металл

- И что? - осторожно спрашивает Агамемнон.

- Так это ж золото! - убеждает купец. - Оно красивое, желтенькое, блестит так это, особенно когда его шерстью натереть. Любые украшения можно сделать. На копье проволоку золотую намотал - царское копье будет, с мечом тоже самое. Золото не ржавеет, не тускнеет, хоть сколько его носи, это тебе не медь или бронза. Надо тебе - взял, переплавил, сделал что-нибудь новенькое. Не знаю, как у вас в Греции, а у нас во Фракии все цари имеют чё-нить из золота.

Клитемнестра и домочадцы заметно начинают волноваться. Агамемнон заметно начинает думать. Купец это видит и решает подлить масла в огонь.

- Покупай, царь, золотишко-та! Дешево возьму. Всего-то десять медимнов ячменя. Робяты, которые золотишко-та мыли, на большие и не работали

- Ты это, погоди, не торопись, - говорит Агамемнон. - Десять медимнов, говоришь? А чего так-то?

- Ну, эта, - смущается купец, - дешевле нельзя. Потому как намывали, перевоз, опять же, быков там запрягли.

- Десять медимнов? - размышляет вслух Агамемнон. - Что-то как-то странновато. Золотишко, говоришь - и по десять медимнов за полведра.

Купец окончательно смущается. - Ладно! - вдруг решительно заявляет

Агамемнон. - Все слышали! Даю тебе, купец из Фракии, за полведра золотого песку сто медимнов ячменя!

Все присутствующие ахают и купец громче всех. Клитемнестра выпучивает глаза так,

что перепугались бы все эринии, вместе взятые.

- Мало? - вопрошает торжествующе Агамемнон. - Ну, так и быть. Даю тебе, фракийский купец, еще в придачу за эти полведра золота двадцать быков.

- Ой, мой царь! - возникает вдруг Клитемнестра. - Куда ж это столько добра! Двадцать быков! Да за эту цену.

- Молчи, дура! - орет Агамемнон. - Не лезь в царские дела! У меня тут важные торги идут, а ты мне всю внутреннюю и внешнюю политику портишь! Заткнись! Вон отсюда! И все вон отсюда вообще!

- Ну ты, царь, даешь, - говорит купец, когда все выбегают из тронного зала. - Не, я не против, конечно, но, конечно, ты, царь, богатый.

- Ты понял, что я сказал? - исподлобья смотрит Агамемнон на купца. - «Все вон» - это и тебя касается. То-

пай на задний двор, получай зерно и быков. Э! Золотишко-то тут оставь.

Купец, кланяясь, выходит. Сразу в тронный зал врывается Клитемнестра.

- Ты что ж это, дурак старый! Столько добра за эту ерунду! Да я тебя!..

- Тиха-а! - осаживает её Агамемнон. - Не ори. Для тебя ж стараюсь.

- Так неужели подешевле нельзя было? А то вот он - я-а, царь, самый богатый, раз - и отвалил за здорово живешь двадцать быков.

- Заткнись, баба! - свирепеет Агамемнон. - Сколько лет с тобой живу, хоть раз умную вещь от тебя бы услышал!

- Ты-то уж больно умный!

- Да уж поумнее тебя! - орет Агамемнон.

- Это ж золото!

- Ну и что? Сто медимнов и двадцать быков твое золото стоит, да? Да уж лучше на войну бы пошел, отобрал бы себе, все дешевле обошлось бы!

- Ох, ну и дура ж ты, баба, - вздыхает Агамемнон. - Не только за золото я плачу, понимаешь? И+

- Ой, ну вот ты щас сказал такую умную вещь+

- За-аткнись! - окончательно звереет Агамемнон. - Да я сейчас тебя+

- Ну и что ты сейчас меня? - подпирает бока Клитемнестра. - Да я вот ка-ак папе пожалуюсь! И бабушке! Агамемнон вздыхает

- Пойми, женщина, - начинает он.

- Тут не только в золоте дело. Ну вот скажи мне, я царь или кто?

- Ну, царь вроде бы, - говорит Клитемнестра. - Пока еще.

- Значит, царь, да? Зерна, быков, рабов у меня много?

- Ну, много, - начинает недоумевать Клитемнестра

- Больше, чем у всех царей в Греции? - уточняет Агамемнон

- Ну, больше, - неуверенно соглашается Клитемнестра. - Только это еще не повод, чтобы двадцать быков+

- Ага! - поднимает палец Агамемнон. - Сейчас поймешь! Вот, положим,

соберу я греков на собрание и сам туда приду. Так? Придут туда, положим, какие-нибудь критяне или эти, как их, египтяне, послы и все такое. Как они поймут, что я царь? Как они поймут, что самый богатый и сильный царь среди греческих царей - это я? А?

Клитемнестра молчит.

- Что мне, - с ехидцей спрашивает Агамемнон, - моих быков с собой пригонять на собрание, чтобы все поняли, сколько их у меня?

Клитемнестра молчит.

- Ага, - начинает торжествовать Агамемнон. - Так вот, чтобы все поняли, что я самый богатый царь, мне надо иметь что-то такое, чтобы ни у кого больше не было. Поняла?

- И что, - спрашивает Клитемнестра, - золото тебе здесь поможет?

- Конечно, - отвечает Агамемнон. - У меня будет диадема, оружие и панцирь с украшениями из золота. А у тебя будут диадема, серьги и ожерелье из золота. И всего этого у меня будет много. А мои Микены назовут златообильными.

- Ага, как же, - говорит Клитемнестра. - А у других что, золота не будет?

- Не будет, - отвечает Агамемнон.

- Что же, ты им запретишь это золото носить? - спрашивает Клитемнестра

- Нет, - отвечает Агамемнон. - Запрещать я ничего не буду, потому что греки тогда надо мною смеяться начнут. Дурак, скажут, этот Агамемнон, себя хочет самым богатым показать. Не-ет, тут запретами нельзя. Но золото буду носить только я, ну и ты немножко. А буду носить его я, потому что никто, кроме меня, его купить будет не в состоянии. Понимаешь, женщина? Я специально дал за золото такую высокую цену, чтоб купчиха этот попался. Купчихи - они жадные. Сейчас ему дали сто медимнов ячменя и двадцать быков, думаешь, он потом по десять медимнов золото продавать будет? Нет. Он сейчас получил такую кучу быков и зерна, о которой и не мечтал, а в следующий раз

захочет получить столько же, если не больше. А кто заплатит ему такую цену? Я, царь Агамемнон, и больше никто. Вот придет грек на базар, увидит золото - а хрен тебе, не купишь, потому что дорого! А вот я куплю, потому что могу! А могу, потому что самый богатый!

- А если кто-то все-таки заплатит такую цену? - осторожничают Клитемнестра.

- Ха! А я еще больше заплачу и все золото моим будет! - отвечает Агамемнон. - А если и кто-то из царей, кроме меня, получит золото в дар, или в выкуп, или еще как-то, то все равно у меня этого золота будет больше, потому что я самый богатый из царей. Вот так!

- А у тебя быки и зерно не кончатся? - вдруг интересуется Клитемнестра.

- С чего бы? - удивляется Агамемнон. - Дары мне приносят, рабы работают, пахут, сеют, жнут. Потребую - еще больше дадут. А не дадут, так отберу. Царь я или не царь? Поняла, короче? Ну вот, то-то же. Давай, зови кузнеца, мне царскую диадему делать он будет.

На этом нашу зарисовку из быта раннеклассового общества Древней Греции можно оставить для того, чтобы проанализировать изображенные процессы. Понятно, что речь о появлении денег здесь не идет. Не идет пока речь и о использовании золота в качестве денег. А речь идет как раз о том явлении, которое описывал Подгузов - о действии «спроса и предложения». Только не надо рассматривать описанный процесс как проявление чрезмерного спроса со стороны Агамемнона на золото. Не надо также и думать, что указанные десять медимнов ячменя являются общественно-необходимыми издержками

на добычу и доставку золота, поскольку этот акт обмена единичен. Описанный процесс важен вот чем: с одной стороны, золото становится для Агамемнона как для представителя господствующего класса фетишем, обладание которым показывает его особое, исключительное положение. Это и вынуждает Агамемнона отдавать несоизмерное количество продуктов труда (они, кстати, еще не являются товаром как таковым) в обмен на это золото, которое он не может получить иным путем. А с другой стороны, эта мена ничуть не затрудняет Агамемнона, поскольку те продукты, которые он отдает в обмен на золото, Агамемнон просто-напросто получил, а не тратил собственный труд на их изготовление. Эти продукты, зерно и быки, были отчуждены у их производителей и присвоены Агамемноном в силу классового характера общества. Агамемнону, проще говоря, они ничего лично не стоили, поэтому он так легко предлагает описанный обмен».

Вот так, КОРОТЕНЬКО надлежит, по мнению свидетелей Агамемнона, использовать классовый подход при решении вопроса о происхождении и сущности денег.

Во-первых, здесь очень уместно вспомнить слова Ленина о подобных авторах.

«Без выкрутас, - писал Ленини, - без «народных» сравнений и «народных» словечек – вроде «ихний» - автор не скажет ни одной фразы. И этим уродливым языком разжевываются без новых примеров... избитые социалистические мысли, умышленно вульгаризируемые. Популяризация, сказали бы мы автору, очень далека от вульгаризации, популярничанья... Вульгарный писатель предполагает читателя не думающего и думать не способного, он не наталкивает его на первые нача-

ла серьезной науки, а в уродливо упрощенном, посоленном шуточками и прибауточками виде, преподносит ему «готовыми» ВСЕ выводы известного учения, так что читателю даже жевать не приходится, а только проглотить эту кашу».

Но мои оппоненты еще ниже этого уровня вульгаризации.

Во вторых, не знаю, с кем спорят мои оппоненты, если в своей работе о деньгах на стр. 9, я, действительно, коротко писал:

«Нетрудно представить, за какие гроши, например, китайские купцы приобретали шёлк и фарфор у своих забытых ремесленников, кому и за сколько они продавали эти товары в Европе, тем более, что во времена функционирования Великого шёлкового пути, Европа могла покупать у китайских купцов именно за золото, поскольку сама не производила ничего такого, что могло бы удивить китайскую знать и купцов. Даже Венеция в эпоху своего расцвета могла похвалиться лишь некоторыми сортами стекла и кружевами».

Наблюдательный читатель легко заметит, что я веду речь о том же, но, яснее моих оппонентов показывая, как, за счет разницы цен купли и продажи, купцы надувают и феодалов Европы, и ремесленников Китая. Однако склероз моих оппонентов зашел так далеко, что они не помнят через пять минут, что прочли.

Но и это ещё не все. Мои оппоненты так заигрались в крупных историков, что сами поверили в свои бредни и, попадая в очередные логические затруднения, обращаются напрямую к самому Агамемнону и его жене Клитроменстре за советами ответами и примерами.

«Ошибка Подгузова, - пишет Мерлин, - заключается в том, что он ставит процесс возникновения денег с ног на голову - в частности, в отношении денежного использования золота и серебра. Не редкость и трудоемкость и не принимаемость в обмен на любой другой продукт сделали золото и серебро деньгами, и не были любые деньги эквивалентом редкости и трудоемкости. Опять же возвращаемся к нашему Агамемнону. Золото для Агамемнона (и для прочих представите-

лей господствующих, отчуждающих классов) стало символом их господствующего положения, политического и экономического, а потому приобрело характер фетиша. Причем таким фетишем может быть необязательно золото - я уже упоминал выше о том, что может быть вещественным эквивалентом денег и сокровищ. Мы уже видели, как за такой продукт уплачивается совершенно несообразная цена, в силу его значимости для господствующих классов и их возможности уплачивать такие цены присвоенными продуктами труда. Такая цена ставит золото и его фетиши-аналоги в положение в совершенно особое положение среди всех товаров».

Я не буду спорить с Агамемноном, поскольку пью мало и редко, а без этого общаться с далекими предками трудно. Это мои оппоненты могут ногой открывать дверь в его золоченные покои. Читателям же «Прорыва» легко сравнить эти бредни с марксистским теоретическим наследием по вопросам развития форм стоимости и превращения золота в наиболее признанный денежный материал, и понять разницу между марксистом и любым агамнюком.

А, чтобы добить Подгузова окончательно, агамнюки приводят совершенно типичный для них и «убийственный» для марксистов довод.

«Прямая рыночная торговля с мелким производителем - крестьянином, общинником и т.п. не приносит прибыли, ибо не задействует механизм отчуждения продукта. [Неужели, после того как купец уплатил за товар деньги, товар остается у крестьянина-общинника. Чудеса!- ВП] Именно поэтому наиболее прибыльной - и поэтому наиболее развитой - всегда была торговля не простыми продуктами труда, но теми изделиями, которые находили спрос со стороны господствующих классов, оплачивающих эти изделия отчужденным и присвоенным продуктом. [Агамнюков никогда не занимал вопрос, а откуда у купцов брались эти «непростые продукты труда» и сколько платили купцы непосредственным производителям].

Вы скажете, что это не так? Хо-

рошо, еще один пример. Чтобы не было заявлений о предвзятости, возьмем самую немарксистскую книгу - Библию. Читаем книгу пророка Иезекииля, главу двадцать седьмую, абзацы с двенадцатого по двадцать четвертый (речь идет о торговле, которую производил город Тир, обращение «ты» - это к городу Тиру и его жителям):

Фарсис, торговец твой, по множеству всякого богатства, платил за товары твои серебром, железом, свинцом и оловом. Иаван, Фувал и Мешех торговали с тобою, выменивая товары твои на души человеческие и медную посуду. Из дома Фогарма за товары твои доставляли тебе лошадей и строевых коней и лошаков. Сыны Дедана торговали с тобою; многие острова производили с тобою мену, в уплату тебе доставляли слоновую кость и чёрное дерево. По причине большого торгового производства твоего торговали с тобою Арамеяне; за товары твои они платили карбункулами, тканями пурпуровыми, узорчатыми, и виссонами, и кораллами, и рубинами. Иудея и земля Израилева торговали с тобою; за товар твой платили пшеницею Минифскою и сладостями, и мёдом, и деревянным маслом, и бальзамом. Дамаск, по причине большого торгового производства твоего, по изобилию всякого богатства, торговал с тобою вином Хелбонским и белою шерстью. Дан и Иаван из Узала платили тебе за товары твои выделанным железом; кассия и благовонная трость или на обмен тебе. Дедан торговал с тобою драго-

ценными попонами для верховой езды. Купцы из Савы и Раемы торговали с тобою всякими лучшими благовониями и всякими дорогими камнями, и золотом платили за товары твои. Харан и Хане и Еден, купцы Савейские, Ассур и Хилмад торговали с тобою. Они торговали с тобою драгоценными одеждами, шёлковыми и узорчатыми материями, которые они привозили на твои рынки в дорогих ящиках, сделанных из кедра и хорошо упакованных».

Анидигидрия, матушка казанская! Верую! Прозрел!

Хорошо, если этот текст, впервые, не обсуждался членами идеологической комиссии МО РКРП-РПК открыто и не утверждался. Там ведь не научность, а, прежде всего, всесторонняя согласованность, массовая обсужденность, утвержденность текстов, считается важнейшим признаком их коммунистической партийности. Столкнувшись с такой гигантской пирамидой тупости возведенной группой отдельных агамнюков, использующих библию, напечатанную на хорошей бумаге, в качестве примера и доказательств в споре с **материалистом**, начинаешь отчетливо понимать, насколько религия, действительно, опиум народа, как страшно выглядит ломка ума и как мало отличается оппортунист от умалишенного. Я не буду спорить с библией, и не потому, что спорить с древнееврейскими сказками столь же умно, как и с любыми другими древними народными сказками. Спорить о количестве голов у Змея Горыновича могут только хронические пациенты Кашенко Бессмертного.

Короче, не будешь формировать в себе диаматика, станешь оппортунистом, выродишься в Мерлина и умрешь агамнюком. Здесь и сказочке конец,

В.Подгузов...

Август-сентябрь 2009

КРИТИКА

ХРУЩЕВИНАОльга Петрова

Многие современные левые публицисты, зачастую пытающиеся выдать себя за коммунистических идеологов, продолжают паразитировать на предшественниках. Даже не на идеях и теоретическом наследии, а на их известности, славе. В этом смысле более всего «повезло» Че Геваре и Сталину. Несмотря на то, что они были очень разными политиками, судьба их образов удивительно похожа. Оба они сначала подверглись обработке буржуазными СМИ, где из их наследия вытрясли вклад в марксистскую теорию, а затем оставшийся внешний образ с поповскими закладками спихнули левакам на знамена. Объединяет Че и Сталина еще и то, что, наиболее замалчиваемой правыми и не замечаемой левыми, частью их наследия стали теоретические работы по построению плановой экономики и ликвидации товарно-денежных отношений¹.

Любители экзотики паразитируют на Мао Цзэдуне. Носители постоянных фигов в кармане – на Троцком. Паразитировать проще: назвался сторонником Че Гевары, и на тебя уже падает отсвет его героизма и даже обаяния его образа.

Но некоторые опоздали к разбору исторических персонажей. Остались только самые заваливающие, в которых нет ни героического ореола Че, ни мудрости Сталина, ни истерического приспособленчества Троцкого, ни восточной загадочности Мао, ни даже сексуальности.... В такой тяжелой ситуации оказался давний оппозиционер А.А.Пригарин. Будучи человеком основательным, он долго рылся в ящике с «уцененкой», примерял, сравнивал, и, наконец, выбрал себе по размеру и вкусу – Хрущева. Однако, принеся приобретение домой, он увидел на обновке многочисленные пятна. Так как «товар обмену и возврату не подлежал», он взялся за

стирку. Так появилась его статья «Апология Хрущева»².

Однако, исторический персонаж – не кофточка, тут универсальным порошком не поможешь, нужно разобрать все пятна по порядку.

Начинает Пригарин с обиды на пятна:

В сегодняшнем коммунистическом движении укоренилась уродливая привычка втаптывать в грязь своих вчерашних вождей. Одни очерняют Сталина, другие Хрущева, третьи - Брежнева, кое-кто упражняется на Андропове.

Похоже, Пригарин не понимает, что оценивать политику, проводимую при этих лидерах (вождем, в полном смысле слова, тут был только Сталин, объединивший огромный авторитет с колоссальной теоретической и практической работой, остальные же – просто руководители, чей авторитет был пропорционален должности и зачастую формален) ОДНОВРЕМЕННО как позитивную, можно только ничего не зная об истории СССР. То, что видится Пригарину как очернение, на самом деле более или менее удачные попытки анализа практики строительства коммунизма. И как в физике много «именных» законов и гипотез, так и тут могут быть «именные» прорывы и ошибки.

Далее Пригарин приступает непосредственно к стиранию пятен с Хрущева. Для задания тона он сразу приписывает оппонентам антисемитизм, хотя делает это скромно, даже потупившись:

Нет смысла всерьез рассматривать... ..Упомяну, в порядке исключения, нелепую версию, запущенную нашими специалистами «по расовому вопросу» о том, что настоящая фамилия Хрущева - Пеарлмуттер.

1. Например, Сталин «**Экономические проблемы Социализма в СССР**» (<http://www.kohet.narod.ru/Stal.htm>), Че Гевара «**О системе бюджетного финансирования**» (http://proriv.ru/articles.shtml/guevara?o_budjete).
2. Статья «**Апология Хрущева**» появилась на сайте Forum.msk.ru 25.08.09 (<http://forum.msk.ru/material/society/1354551.html>).

А что в этой версии нелепого? Такой фамилии не могло быть? Что добавила или отняла бы такая фамилия у коммуниста в глазах других коммунистов?

Далее Пригарин пишет:

В целом, «оттепель» была исторически неизбежна... Недаром к весне 1953 года все три претендента на высшую власть, Берия, Маленков и Хрущев имели уже свои представления о необходимых изменениях в политике и экономики страны. И кто бы из них не оказался лидером, общая направленность реформ была predetermined: расширение границ политической демократии во-первых, и ускоренный рост благосостояния народа, во-вторых.

Т.е. если перефразировать, то Пригарин утверждает, что до марта 1953 года в СССР было плохо: 1) с политической демократией и 2) с ростом благосостояния народа. Оба этих понятия предельно не конкретны, и в дальнейшей расшифровке Пригариным только запутываются.

Что касается первого пункта, то я не знаю, что Пригарин понимает под расплывчатым термином «политическая демократия». Если свободу обсуждения политических вопросов, то надо напомнить, что именно при Сталине в партии и обществе проводились широкомасштабные дискуссии по наиболее значимым вопросам. Если возможности влияния рабочих на выборные органы, то, как раз с хрущевских времен такие возможности сужались, пока не дошли до состояния полного отчуждения «народных депутатов» от избирателей к 80-тым годам.

Сутью пролетарской демократии, вообще, является не наличие формализованных принципов и схем, согласно которым кто-то делегирует свой голос, а реальные возможности как можно большей массе населения управлять государством. А это возможно осуществлять только на основе возрастающей компетентности народа. Поэтому вопрос о массовом освоении марксизма трудящимися – это главное звено вопроса о власти, как в период до взятия власти, так и, в еще большей мере, в период строительства коммунизма.

Разъяснение органами власти и партией населению сути принимаемых мер является не только элементом неформальной демократии, но

и основой демократии вообще, которая предполагает КОМПЕТЕНТНОСТЬ населения в вопросах управления. Пригарин, к сожалению, не читал античных мыслителей (хотя бы Платона), а то он бы знал, что в ситуации, когда «народ не знает, что ему хотеть», формальная демократия вырождается в... тиранию. Как и происходило в греческих полисах. Впрочем, Пригарина даже опыт реставрации капитализма в СССР ничему не научил, и он отказывается видеть, что в условиях потрясающей некомпетентности трудового населения в вопросах общественных законов любая политическая демократия прекрасно уживается с экономическим терроризмом предпринимателей над рабочим, а рабочие год за годом выбирают тех, кто красивее врет.

Основное содержание второго пункта будет раскрыто ниже.

Далее Пригарин переходит к конкретным пунктам. Придется цитировать много.

1. Главное, буквально «расстрельное» политическое обвинение: отказ от принципа диктатуры пролетариата в Программе КПСС, принятой на XXII съезде. Но спрашивается, о каком пролетариате можно вообще говорить в 1961 году?

..Но, может быть, вы хотели бы сохранить вместо диктатуры пролетариата, «диктатуру рабочего класса»? Тогда, против кого или над кем? Над интеллигенцией, над крестьянством? Бессмыслица, если речь идет не о диктатуре отдельных групп или личной диктатуре (это другая тема), а именно о диктатуре классовой. Использование же «крутых» мер против тех или иных групп или индивидуумов (шпионов, уголовников и т. п.) действия которых наносят ущерб обществу - не есть диктатура.

В этом пункте Пригарин солидаризируется с еще одним застенчивым троцкистом С. Новиковым, который в своей статье 4-х летней давности приводит, практически, точно такие же аргументы против диктатуры рабочего класса на первой фазе коммунизма. Мы подробно рассматривали этот вопрос в нашем журнале № 13 (2005)³. Однако явно назрела необходимость разъяснить еще раз.

3. «Еще раз о диктатуре пролетариата» (http://www.proriv.ru/articles.shtml/petrova?eshe_dp).

Необходимость диктатуры рабочего класса объясняется тем, что весь период первой фазы коммунизма (в просторечии называемой социализмом) идет борьба между новым, коммунистическим, и старым, капиталистическим – в экономике, политике, бытовой сфере... Причем, коммунистическое – это научное и сознательное (а не примитивно-карикатурное, подкрашенное кровавыми разводами, где повсюду бегают пролетарии с «маузерами», «диктуют» и «пуляют»), а капиталистическое – это и сознательное (не будет же Пригарин отрицать существование противников коммунизма), и несознательное (традиции, пережитки, мелкобуржуазная среда). Пригарин, как и Новиков, не понимает, что классовая диктатура исчерпает себя только с исчезновением классов. Таким образом, диктатура рабочего класса отомрет вместе с рабочим классом, в тот момент, когда общество станет однородным. А это, в свою очередь, произойдет с ликвидацией деления людей на носителей преимущественно умственного или физического труда, поскольку именно это деление и является объективной исторической предпосылкой возникновения социального неравенства, эксплуатации и классов.

В этом смысле – да, диктатура необходима, и над крестьянством тоже. Над его мелкобуржуазной стихией. И, да, над интеллигенцией, над ее чванством и буржуазными пережитками. И еще над совслужащими – всеми членами ЦК, министрами, директорами заводов.

При этом, основным содержанием диктатуры рабочего класса является, конечно же, не «использование крутых мер», не «карательные функции», а воспитание, т.е. превращение всех граждан в **сознательных** строителей коммунизма, т.е. создание системы убеждения, основанной, прежде всего, на поднятии общей грамотности населения, и вовлечении населения в политическую жизнь.

2. Конечно, здесь самый болезненный вопрос о репрессиях и реабилитации. Позиция современных сталинистов во многих случаях задается с предельной откровенностью: «...на свободе оказались не только некоторые необоснованно репрессированные, но и очень многие законно осужденные...». Спорить с подобными взглядами невозможно - нас разделяет не только политическая, но и морально-этическая граница. Бессмысленно снова на-

помянуть этим людям, сколько во время «большого террора» погибло старых большевиков, делегатов съездов и членов ЦК партии, народных комиссаров и командиров Красной армии, не говоря уже о просто советских людях - коммунистах и беспартийных.

Где Пригарин общался с этими «современными сталинистами»? Наверно, там же, где и со «специалистами «по расовому вопросу»». В этом небольшом абзаце выставлено все непонимание автором вопроса о классовой борьбе при первой фазе коммунизма. Начну разбор с показательного момента. Пригарин пишет, что «погибло старых большевиков, делегатов съездов и членов ЦК партии, народных комиссаров и командиров Красной армии, не говоря уже о просто советских людях». Казалось бы, с точки зрения морально-этической, не важно, какую должность занимал невинно погибший. Но наш поборник этики и морали не случайно выделяет группы высокопоставленных работников. В этом одна из основных сторон хрущевины, то, что позволило Хрущеву 10 лет вытворять в стране что хотел, то, за что ему поют дифирамбы не только левые паразиты, но и многие бывшие «партократы», конвертировавшие должности в капитал. Пригарин намекает, что «старые большевики, делегаты съездов...» либо не подсудны, либо априори не виновны. Хрущев именно это и сделал – он сделал «номенклатурщиков» неподсудными. Теперь никто из них не отвечал головой за свою работу, за людей, за дело. Так началась безответственность, а с ней и коррупция. Да за такой подарок партийные руководители и терпели сумасбродного Хрущева 10 лет.

Писать о невинных «старых большевиках, делегатах съездов и членах ЦК» может только либо очень лукавый, либо очень наивный человек. Я не верю, что руководитель группы, пусть хоть и очень маленькой, но гордо называющей себя РКП-КПСС, не наблюдал уже в этом веке фракционной борьбы в партии. Пусть бы вспомнил, почему он расстался с Бугалиным и Колгановым, как и почему произошел их разрыв с Крючковым, как самого Пригарина покинула группа ради Шеина и т.д.

После революции в компартию полезла, по выражению Ленина, «всякая сволочь», более того, в партии, на тот момент, «сволочи» и своей уже было немало. Неужели у пожилого человека, Пригарина, сохранилось еще столько детской наивности, что он думает, что межрайон-

цы, старые меньшевики и прочие приходили в РКП(б) полностью идейно разоруженными? Разве не об обратном говорят факты – поведение Зиновьева и Каменева в октябре 17, поведение Троцкого во время подписания Брестского мира, дискуссии о профсоюзах, «новая оппозиция»... Уже тогда было видно, что оппозиционеры готовы рисковать всеми завоеваниями ради СВОИХ целей. Что же изменилось к концу 30-х? Изменилось несколько условий.

1) Вырос слой молодых партийных руководителей, что привело к тому, что бешеная необходимость в хоть каких грамотных кадрах «старых большевиков», которая и заставляла Ленина мириться с Зиновьевым, Каменевым, Троцким, стала отпадать.

2) Победы в многочисленных партийных дискуссиях и успехи в строительстве коммунизма помогли команде Сталина упрочить свой авторитет в партии и массах, за оппозицией шло все меньше народа.

3) Сами оппозиционеры в результате длительной фракционной борьбы, а, также видя первые два пункта, перешли к другим методам – прямо нарушая не только партийный устав, но и УК. Хотя, чем, по сути, отличается предательство в 36-ом году от предательства в 17-ом? Или саботаж жизненно важной для страны стройки от саботажа жизненно важного для страны Брестского мира?

Суды над «старыми большевиками, делегатами съездов и членами ЦК» проходили открыто. Протоколы можно прочитать и сейчас. В отношении всех осужденных по «громким процессам» у меня нет никаких оснований сомневаться в справедливости и обоснованности приговоров.

Другой вопрос - осужденные простые люди. То, что среди них были невинные, было подтверждено партией уже в 1938 году. Расстрел невинных, т.е. честных советских людей – это не перегиб и не ошибка. Это именно форма классовой борьбы с коммунизмом. Очевидно, отправляющий на расстрел невинного не перегибал. О перегибе можно было бы говорить как о МЕРЕ наказания ВИНОВНОГО. Об ошибке можно было бы говорить, если бы это были единичные факты. Работник НКВД, фабрикующий липовое дело, не мог не понимать, что работает против коммунизма. Нет никаких объективных причин, в силу которых врагам советского строя невозможно было оказаться среди работников НКВД. Особенно грамотным и начитанным дворянам,

бывшим работникам банков, недобитым белогвардейцам... Неужто враги рассуждали так: «В промышленность будем пробираться, в армию будем, а НКВД не пойдем, брезгуем»? Враги и оппозиционеры всегда пытались занять руководящие места, об этом пишут в мемуарах все «победители КПСС», в частности, такие, как Яковлев. А НКВД в ситуации надвигающейся войны и обострения классовой борьбы был одним из ключевых наркоматов. По крайней мере, Ягода на суде признался, что, пользуясь положением, везде расставлял своих и только своих людей, выживая всех, кого удавалось, если тот проявлял себя как последовательный коммунист.

Далее Пригарин пишет:

А было их - назову лишь одну цифру - 700 тысяч расстрелянных за два года, 1937-й и 1938-й. Так вот, считать их, за исключением «некоторых», пятой колонной, - вот это и есть «разлагающая клевета, невиданное очернительство, дегероизация отечественной истории».

Пригарин опять, как в случае со «старыми большевиками», пытается поить читателей сладеньким сиропчиком, намекая, что в стране не могло быть 700 тысяч врагов социализма, что все, «как один, в едином порыве», поддерживали ВКП(б). Нужно еще посчитать, сколько среди расстрелянных было настоящих коммунистов, хороших специалистов, уничтоженных именно противниками сталинской политики индустриализации, коллективизации, культурной революции по указке Ягоды.

Конечно, нам всем хотелось бы, чтобы мероприятия диктатуры рабочего класса по воспитанию коммунистических взглядов работали с предельной эффективностью. А лучше автоматически. Чтобы все крестьяне, получив из рук Советской Власти землю, сразу прониклись не только благодарностью, но и сознательностью, и пошли в колхозы. Чтобы рабочие перестали тащить со своих (в полном смысле слова - СВОИХ) заводов все, что плохо лежит. Чтобы интеллигенты, получившие свободу творчества, стали вдохновенно творить, а не мечтать о том, как при капитализме их гений оплачивался бы жирнее, а развлечений было бы больше.

Однако, так не бывает. Коммунистические взгляды не получают от созерцания красного знамени и прослушивания «Интернационала» по радио. Выработка этих взглядов – это труд, как

учителя, пропагандиста, так и обучаемого.

Пригарин утверждает, что писать о том, что к 30-м годам 0,4 % (численность населения СССР по переписи 1939 года 170 млн.чел) населения относилась к Советской власти резко враждебно вплоть до открытой борьбы – это очернительство, а писать, что Советская власть, ни за что ни про что, эти 0,4 % населения убила – это хорошо и верно. Тоже логика.

Наоборот, в историю были возвращены многие герои революции и гражданской войны, строители социализма.

Ситуацию с историей СССР при Хрущеве можно проиллюстрировать двумя анекдотами. Первый – «у нас непредсказуемое прошлое», а второй «ложки потом нашлись, а осадок остался». Если говорить об ощущениях простых людей от такого «возврата в историю», то получалось, что нерепрессированные «герои», вроде как, виноваты в репрессиях, не заступились за невинных товарищей, промолчали, а репрессированные тоже «подпорченные». Настоящими остались только те, кто до 30-х не дожил. Но главное не это. Главное, что психологически пропал момент надежности, уверенности в партии.

Ломая сталинский авторитет, отбрасывая его политическое и теоретическое наследие, сам Хрущев не обладал ни авторитетом, ни сколь-нибудь интересными идеями. Эта ломка вызвала череду расколов в мировом коммунистическом движении, позволила окрепнуть и развиваться новым оппортунистическим направлениям.

Отрицание сталинской экономической теории построения коммунизма автоматически подняло на щит раскритикованных Сталиным экономистов, громкая реабилитация осужденных по «Ленинградскому делу» вытаскала на свет идеи Вознесенского – всё это не могло не привести к практическому уничтожению советской экономической науки, закрытию в ней марксистского направления. Советская академическая наука начала борьбу против марксизма.

Тогда же, при Хрущеве, появилась целая плеяда мелких и крупных пакостников, антикоммунистов, удобно устроившихся на шее советского народа борцов со сталинизмом – все они потом

назовут себя «детьми кукурузы», т.е. «детьми XX партсъезда».

Далее Пригарин переходит к рассмотрению экономических «пятен» на «светлом образе» Хрущева. Тут еще более, чем в вопросе о репрессиях, автор упирает на эмоции, он стыдит оппонентов:

...Не хочется переходить на личности, но особенно неловко выслушивать подобные проповеди от людей, которые большую часть жизни занимали высокие должности (не сомневаюсь, что заслуженно), и в силу этого были и сыты, и обеспечены «убогим комфортом».

Основное содержание «экономического блока» оправданий состоит из выдернутых фактов. С одной стороны, все достижения, к которым пришел СССР к середине 50-х, оправившись от войны, развиваясь, ставятся в заслугу Хрущеву: снижение пенсионного возраста, сокращение рабочей недели. А с другой - полностью игнорируется разработанная при Хрущеве, но начатая уже без него реформа 1965 года. Но на это несмыслимое «пятно» была пришта яркая аппликация в виде герани на окнах новых квартир в пятиэтажках.

А для двух пятен поменьше – ликвидации МТС и прекращения снижения цен - была предпринята попытка стирки.

5. *Самое тяжелое из экономических обвинений - роспуск машинотракторных станций (МТС). Сейчас уже мало кто помнит, что это были государственные предприятия, одно или несколько на район, в которых была сосредоточена вся без исключения сельскохозяйственная техника (трактора, комбайны и т.п.). Колхозы же владели только простейшими орудиями и инвентарем. ...Так продолжалось до 1958 года, когда МТС были преобразованы в ремонтно-технические станции (РТС), а техника продана колхозам.*

... И крестьяне уже стали не те, что раньше - машинами их было не

удивить. Поэтому передача техники колхозам явилась такой же неизбежной, как создание МТС за тридцать лет до этого. Что же до упрека, что этот шаг дал «толчок превращению средств производства в товар, ибо МТС являлись однотипным с социалистической индустрией сектором», то должен напомнить, что именно при Хрущеве, начался массовое преобразование колхозов в совхозы, то есть расширение социалистического сектора и превращение крестьян в рабочих и служащих.

В том-то и дело, что у Хрущева «удачно» совпали продажа техники и преобразование колхозов в совхозы. Преобразование это было массовым и зачастую формальным. Характер труда, распределение труда между колхозным/совхозным хозяйством и личным подворьем, уровень культуры и культурного обеспечения, психология, в конце концов, не менялась. Бывшие колхозники, т.е. объективно ДРУГОЙ класс, коллективные мелкие собственники, просто меняли название, привнося в социалистическое хозяйство большую долю товарно-денежных отношений.

Продажа МТС колхозам – это прямое отрицание написанного Сталиным в 1952 году:

... предлагая продажу МТС в собственность колхозам, т.т. Санина и Венжер делают шаг назад в сторону отсталости и пытаются повернуть назад колесо истории.

Допустим на минутку, что мы приняли предложение т.т. Саниной и Венжера и стали продавать в собственность колхозам основные орудия производства, машинно-тракторные станции. Что из этого получилось бы?

Из этого получилось бы, во-первых, что колхозы стали бы собственниками основных орудий производства, то есть они попали бы в исключительное положение, какого не имеет в нашей стране ни одно предприятие, ибо, как известно, даже национализированные предприятия не являются у нас собственниками орудий производства. Чем можно обосновать это исключительное положение колхозов, какими

соображениями прогресса, продвижения вперед? Можно ли сказать, что такое положение способствовало бы повышению колхозной собственности до уровня общенародной собственности, что оно ускорило бы переход нашего общества от социализма к коммунизму? Не вернее ли будет сказать, что такое положение могло бы лишь отдалить колхозную собственность от общенародной собственности и привело бы не к приближению к коммунизму, а наоборот, к удалению от него?

Из этого получилось бы, во-вторых, расширение сферы действия товарного обращения, ибо колоссальное количество орудий сельскохозяйственного производства попало бы в орбиту товарного обращения. Как думают т.т. Санина и Венжер, может ли способствовать расширение сферы товарного обращения нашему продвижению к коммунизму? Не вернее ли будет сказать, что оно может лишь затормозить наше продвижение к коммунизму?

Основная ошибка т.т. Саниной и Венжера состоит в том, что они не понимают роли и значения товарного обращения при социализме, не понимают, что товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму. Они, видимо, думают, что можно и при товарном обращении перейти от социализма к коммунизму, что товарное обращение не может помешать этому делу. Это глубокое заблуждение, возникшее на базе непонимания марксизма.

Критикуя «хозяйственную комму-ну» Дюринга, действующую в условиях товарного обращения, Энгельс в своем «Анти-Дюринге» убедительно доказал, что наличие товарного обращения неминуемо должно привести так называемые «хозяйственные коммуны» Дюринга к возрождению капитализма. Т.т. Санина и Венжер, видимо, не согласны с этим. Тем хуже для

них. Ну, а мы, марксисты, исходим из известного марксистского положения о том, что переход от социализма к коммунизму и коммунистический принцип распределения продуктов по потребностям исключают всякий товарный обмен, следовательно превращение продуктов в товары, а вместе с тем и превращение их в стоимость.⁴

Так и получилось на практике. МТС были фактически элементом объединения сельского хозяйства в единое предприятие. Планирование работы МТС заставляло колхозы координировать работы в крупном масштабе. Уничтожение МТС

а) раздробило эти складывавшиеся агропромышленные комплексы на мелкие предприятия, что повлекло за собой усложнение планирования, увеличение планового «люфта»,

б) увеличило объем обменных отношений, как между колхозами, так и между сельхозпроизводителями и государством. Как, например, осуществлялся маневр техникой в условиях МТС? Колхозы согласовывали свои планы с МТС в единый план, в результате в горячую пору можно было создавать количественный перевес

техники на каком-то из участков. После раздробления МТС эту проблему решали обменными отношениями типа «ты мне комбайны, я тебе кормовую свеклу»,

в) раздробление техники ухудшило среднюю механизацию каждого отдельного колхоза, соответственно, эффективность. Поставило технооснащенность сельхозпредприятия в зависимости от коммерческого успеха. Продал арбузы дорого на колхозном рынке – купил комбайны, выращиваешь картошку, сдаешь государству – ковыряйся хоть лопатой. В результате колхозы/совхозы резко дифференцировались

по доле физического труда, что привело не только к росту доли физического труда в сельском хозяйстве и оттоку рабочей силы в город (с закономерным ухудшением уровня жизни, о котором печется Пригарин), но и к росту мелкобуржуазных тенденций в психологии и отношениях на селе.

Дифференциация колхозов породила такие негативные тенденции, как систематическое и непрерывное субсидирование «отстающих». А это, в свою очередь, приводило не только к дисбалансу плана и денежной массы на руках населения, т.е. к дефициту, но и вызывало недовольство колхозников, как в «отстающих» колхозах (они считали ситуацию несправедливой, поскольку видели объективные причины «отставания»:

неудачные земли, неприбыльные культуры), так и колхозов-«передовиков» (они считали несправедливым, что государство дотировало «отстающих», возрождались старые кулацкие песни о том, что «они бедные, потому что мало работают»).

6. «Классическими» стали хвала Сталину за ежегодное снижение цен и осуждение Хрущева за отказ от этой практики. ... От низшей (военной) точки, производство товаров потребления и продовольствия (за исключением неурожайного 1946 года), быстро пошло вверх. Чтобы этот прирост могло получить население, нужно было последовательно, либо повышать заработную плату, либо снижать цены.

Несправедливый, и более того, социально опасный разрыв сложился между высоко-и низкооплачиваемыми группами народа. Между тем, от снижения цен выигрывали все слои в равной мере, а если мерять не в процентах, а в рублях, то больше выигрывали те, кто больше получал. К примеру, от снижения цен на 10%, получавший тысячу рублей выигрывал сто рублей, а тот, кто зарабатывал сто рублей, - только десять. Поэтому руководство страны приняло новую стратегию: дополнительные ресурсы, возникающие по мере роста производства предметов потребления, направлять на увеличение денежной зарплаты отдель-

ным категориям работников, при стабилизации цен.

Пригарин не понимает, и понять не хочет, что снижение цен – это сужение сферы товарно-денежных отношений. Такие мероприятия, в совокупности с борьбой за снижение затрат на производство продуктов, ведут к увеличению количества и улучшению качества товаров, т.е. к тому самому, росту благосостояния народа. Причем, это вполне коммунистическая мера, рассчитанная не на определенные категории трудящихся, а на всех. А рост зарплат, сопровождаемый, к тому же, тем, что «часть средств стала направляться на стимулирование роста производительности труда», приводил к увеличению роли денег, расширению сферы товарно-денежных отношений. Такая хрущевская политика хорошо вписывалась в готовящуюся экономическую реформу 1965 года и внедрение хозрасчета.

В заключение можно подвести итог. Хрущев – в нашей истории фигура, во многом, знаковая. И знаменует она собой основную причину неудачи построения коммунизма в СССР. Хрущев – это образ невежества и чванства. Он воплотил их в своей личности полностью и продемонстрировал отменно. Конечно, он не один виноват. Виноваты все партийцы, особенно подобные Пригарину, которые не смогли ничего противопоставить хрущевской «номенклатурной революции». Но те проклятья, которые посылают в его адрес сталинисты, не всегда хорошо аргументированы, зато всегда заслужены.

Сентябрь 2009.

РЕАНИМАТОРАМ ЭКОНОМИЗМА

ИЛИ

ПЕВЦАМ БУРЖУАЗНОГО ПОДХВОСТЬЯ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

Александр ЛБОВ

Не будет ни для кого новостью, если сказать, что современное комдвижение в РФ испытывает жесточайший дефицит идеологов. Действительно, среди демонстрантов, топчущихся на площадях под красными флагами, мало людей, которые хотя бы интересуются марксизмом, пытаются решить насущные теоретические проблемы движения. Основная масса топтунов взглядом коршуна обшаривает прилавки в надежде, что какой-то чужой дядя сделает за них всю идеологическую работу, а они своими тушками бодро присоединятся к «вождю». Хуже того, на партийных заседаниях и в публикациях появляются иждивенческие предложения обратиться к «ученым РУСО» или деятелям других организаций, вплоть до совсем не коммунистических, с просьбой разъяснить возникающие ситуации, будь то положения марксизма (например, о заработной плате) или причины современного кризиса. Печально, что даже члены Идеологической комиссии ЦК РКРП ищут и находят авторитеты «на стороне». В партии, в которой многие знают, сколько внимания уделяли реальные большевики идеологическому воспитанию и развитию каждого члена партии, такая ситуация, выглядит дико. А в каждой ненормальной ситуации на теле движения начинают вырастать разного рода паразиты, которые пользуются теми или иными слабостями организма, сами из

себя ничего не представляя. В частности, имитируя идеологов.

В этой статье речь пойдет об одном из них – Сергее Новикове, претендующем на руководство идеологией в МК РКРП-РПК. Мнить-то он себя идеологом, мнит, но реальное качество его «теорий таково», что над большинством его работ многие смеются сквозь слезы.

Например, на «Политклубе» при МК РКРП он сформулировал программу партии на выборах в Москве следующим образом¹:

«Что я считаю такими основными направлениями? Основной лозунг так должен звучать, я считаю: «Москва – для всех, не только для богатых!» Мне на этот лозунг иногда возражают, мол, а как же – значит, для богатых тоже? Да, для богатых тоже - тоже постольку, поскольку они являются москвичами. Но важно подчеркнуть вот это противопоставление: «всех» и «богатых» И вот этот лозунг это делает. Может быть, будут предложены другие формулировки, мы этот вопрос ещё будем обсуждать и принимать в окончательном варианте нашу программу, но, тем не менее, это будет так.»

1. Заседание Политклуба 25 августа 2009 г. <http://rkrp-rpk.ru/index.php?action=news&func=new&id=1719>

Не останавливаясь на вопросе логического противоречия в лозунге, замечу, что этот лозунг и есть «ясный ответ» москвичам на большинство вопросов, потому что далее по тексту основных проблем в Москве Новиков видит пять, и все они с реальными проблемами трудящихся связаны лишь косвенно:

- рабочее законодательство: (*«одним из первых вопросов, мне кажется, должен быть вопрос о том, что может сделать Московская городская Дума в плане трудового законодательства.»*) в виде «помощи» рабочим бастовать. (*«Российская демократия прежде всего лишает рабочий класс России права на забастовки, которые ещё с горбачёвских времён по закону 1989 г. были благополучно запрещены на 80 % предприятий, которые принадлежат к определённому набору отраслей, закреплённых в законе, и эти запреты потом были ещё более усилены. Тем самым прежде всего рабочего России сейчас лишили права на забастовку. Это право должно быть ему возвращено. Это может быть частично сделано на городском уровне»*)
- приватизация предприятий ЖКХ: (*«В своей конечной стадии эта реформа предполагает приватизацию тех компаний, которые оказывают услуги на рынке ЖКХ, после чего эти компании будут такими же средствами приложения капитала, как торговля, производство, игорный бизнес (вытесненный, правда, сейчас из Москвы, говорят), ну и ряд других традиционных отраслей приложения капитала. Наша позиция должна заключаться в том, чтобы этого максимально не допустить».*)
- пробки: (*«Третий вопрос, который решают и не могут решить буржуазные партии – это вопрос общественного транспорта и пробок в Москве».*)
- точечная застройка: (*«Четвёртый момент касается проблем точечной застройки»*)
- «исторический облик» города: (*«История и архитектура – не дадим в обиду наше прошлое!»*)

Иными словами, это все, что он может сказать относительно проблем москвичей. Вопросы безработицы и социальной защиты он не рассматривает, вопросы роста цен как на продукты питания, так и на коммунальные платежи он тоже не рассматривает. Как будто неприватизированные предприятия не вздувают в настоящее время

цены. Вопросы социальной инфраструктуры перед ним также не стоят – все хорошо и замечательно в больницах, детских садах, школах. Только вот рабочим бастовать не дают, да приватизируют ЖКХ, и дома в скверах строят, да, еще пробки и переименования. Прямо-таки слава Лужкову. Не Москва, а рай земной. А то, что в Москве гражданину без паспорта ступить нельзя – заметут в ментовку, это ж такая ерунда по сравнению со смягчением гипотетического права рабочих на забастовку.

Действительной коммунистической программой на этих выборах было бы отстаивание мер по улучшению социальной инфраструктуры, выделению средств на социальные программы, обложение буржуазии социальными налогами в пользу малоимущих и трудящегося большинства. Иными словами, максимальным ограничением буржуазии в пользу трудового населения. Вместо куцега «частичного возвращения» права на забастовку (то, что этим правом даже в условиях самого мягкого законодательства пользуется ничтожное количество рабочих, Новикову невдомек) необходимо четко говорить, что коммунисты будут отстаивать вопрос о ВЗЯ-ТИИ ВЛАСТИ рабочими, и в качестве депутатов пытаться проводить политику по формированию органов власти рабочего класса. Та же мера по введению бесплатного проезда в общественном транспорте должна быть не способом борьбы с пробками, как у Новикова, ради привлечения внимания населения к метро, а стремлением коммунистов снять с трудящегося населения Москвы расходы на транспорт. Борьба не за правительственную собственность на предприятия ЖКХ, а за снижение коммунальных тарифов, при этом даже неважно, в чьей собственности будет находиться предприятие, если эту меру удастся осуществить. Не «согласование» точечной застройки должно заботить московского коммуниста, а пополнение и существенное увеличение жилищного фонда для бесплатной раздачи жилья нуждающимся, установка рабочего контроля за его распределением. Сотни тысяч людей снимают квартиры, не имея жилья, а Новикова заботит только вопрос о том, как бы стройка во дворе спать не мешала – ну не позор ли!

Всякий москвич, не понаслышке знакомый с жизнью в Москве, глядя на эту «предвыборную программу» легко обнаружит фрагментарность мышления ее автора, его полную оторванность от реальной жизни. Ведь все перечисленные

Новиковым «проблемы» - это все те вопросы, относительно которых были какие-либо громкие протесты или публикации в протестной прессе. Иными словами, Новиков просто повторил все то, о чем писали в газетах, не разобрав вопрос в главном. Практически все проблемы и способы решения этих проблем не имеют никакого отношения к коммунизму – право на забастовки отстаивают любые профсоюзники (как без забастовки торговаться с предпринимателем), точечную застройку истово клянут разнообразные либералы, «исторические названия» защищает, чаще всего, разномастная клерикальная публика. Я понимаю субъективное желание Новикова понравиться сразу всем, но это желание и программа партии несколько не согласуются в данном случае. В неприватизации ЖКХ также собственно коммунистических интересов нет, это вполне буржуазное требование, многие предприниматели больше доверяют государству как монополисту, чем собрату-буржую. С государством легче договориться, дал чиновнику откат – и плати аренду дешевле, с частником такой фокус явно не пройдет. То, что эта мера позволит снизить или сдержать рост цен на коммунальные услуги – наивная утопия, опровергаемая динамикой цен за все 18 лет, начиная с 1992 г. Когда на эту удочку ведутся неграмотные пенсионеры – это вопрос один, а когда это же повторяют люди, претендующие на право называться коммунистами, то это уже не лезет ни в какие ворота. Пробки, упомянутые в докладе отдельным пунктом, клянут все - от мала до велика, но вот сделать платный въезд в центр, как предлагает Новиков, в автосообществе предлагают, обычно, автолюбители с большими доходами, а вовсе не пролетарии. Новиков подобрал на буржуазной свалке старую заезженную либеральную идею о том, что на дороги автолюбителей надо выпускать по ценовому признаку. А то разъездились всякое быдло на «тазиках».

Вроде бы, полный примитив, не имеющий ничего общего с марксизмом и программой коммунистической партии – но ведь слушают, выкладывают на центральный партийный сайт, выражают восторги. А почему? Потому что дефицит идеологически состоявшихся кадров.

Ничем иным не могу объяснить, что Московской организацией был благосклонно принят и доклад на теоретическом семинаре МО РКРП-РПК 23 июня 2009 г., который Новиков озаглавил как «Экономическая борьба и марксизм: история, теория и современность».

Потому что только очень невежественные люди могли восхищаться этим произведением одинаково невежественной и спекулятивной мысли. Уже в первом пункте тезисов Новиков кормит своих доверчивых прямоходящих сказками про «Манифест Коммунистической партии». Ничто же сумняшеся, наш курилка утверждает, что

«Из буржуазной политической экономии следовало, что если в процессе продажи своей рабочей силы пролетарий отдаёт капиталисту столько же, сколько от него получает, то тогда рост прибылей капиталистов возможен только через постоянное обесценивание труда рабочих, т.е. через абсолютное обнищание рабочего класса. Именно эта точка зрения нашла выражение в итоговых работах первого этапа развития марксизма: в «Манифесте Коммунистической Партии» Маркса и Энгельса и в «Принципах коммунизма» Энгельса.»

Этот бред рассчитан на людей, явно незнакомых с «Манифестом коммунистической партии». Новиков утверждает, что в Манифесте нашла «выражение» точка зрения «именно» **полностью соответствующая** «буржуазной политической экономии». На самом деле в концепции «последнего часа» Сеньора и вообще в буржуазной политической экономии утверждалось без стеснения, что, во-первых, товар на рынке просто продается с наценкой, отсюда и появляется прибыль, т.е. прибыль появляется в сфере обращения, а рабочему всегда оплачивается его труд полностью. Во-вторых, особенно Сеньёр, утверждал, что в рыночной цене товара воплощается необходимость: 1. возместить израсходованный капитал, 2. возместить израсходованные основные и оборотные средства, 3. полностью выплатить заработную плату, равную затраченному труду, и только после этого 4. капиталист вправе потребовать от рабочего всего дин час дополнительного труда, чтобы, продав продукт именно этого, последнего часа, получить хоть какую-нибудь прибыль.

В «Манифесте» Маркс прямо и недвусмысленно пишет:

«Издержки на рабочего сводятся поэтому почти исключительно к жизненным средствам, необходимым для его содержания и продолжения его рода. Но цена всякого товара, а следовательно и труда, равна издержкам

его производства. Поэтому в той же самой мере, в какой растет непривлекательность труда, уменьшается заработная плата».

То есть, прямо противоположное. Единственная претензия у марксистов в «Манифесте» к Марксу - это терминологическая, Маркс использует термин «труд» вместо понятия «рабочая сила». Для Маркса периода Манифеста пролетарий отдает как раз гораздо больше, Новиков передергивает – говоря о цене рабочей силы, называя ее «трудом» Маркс говорит об издержках на рабочего, а не издержки на производство продукта труда. И потому отношение Маркса и Энгельса в «Манифесте» к экономической борьбе ничем не отличается от более позднего их отношения.

Маркс пишет:

«Рабочие начинают с того, что образуют коалиции против буржуа; они выступают сообща для защиты своей заработной платы. Они основывают даже постоянные ассоциации для того, чтобы обеспечить себя средствами на случай возможных столкновений. Местами борьба переходит в открытые восстания. Рабочие время от времени побеждают, но эти победы лишь преходящи. [!!!! – А.Л.] Действительным результатом их борьбы является не непосредственный успех, а все шире распространяющееся объединение рабочих.»

Из игнорирования же факта относительного обнищания как раз и следует та «мусль», усиленно проповедуемая «экономистами», что возможно добиться экономической «борьбой» улучшения - ибо если пролетариат только нищает, а прибыль есть следствие только абсолютного обнищания, то экономическая борьба есть прямая экспроприация капиталиста, эрго, революция. Новиков же все ставит с ног на уши и приписывает Марксу заведомо оппортунистический тезис, это напоминает вора, который громче всех кричит «держи вора». Совершенно понятно, зачем он это делает. На фоне мнимых «ошибок» Маркса реальный экономизм, который Новиков взялся защищать, выглядит сущим баловством.

Из Манифеста же отнюдь не следует отсутствия относительного обнищания, кстати. Фраза «Наоборот, современный рабочий с прогрессом промышленности не поднимается, а все более опускается ниже условий существова-

ния своего собственного класса» означает только то, что НА ДАННОМ ЭТАПЕ (то есть на середину 19 века) пролетариат опускался ниже уровня РЕМЕСЛЕННОГО пролетариата, то же самое, что на этапе разложения патриархального рабства сказать, что «современный раб с прогрессом ирригации не поднимается, а опускается ниже уровня своего класса». Похоже, что Новиков, читая Маркса, не улавливает контекста.

Вышеприведенный тезис, вообще, никак не связан с вопросом абсолютного/относительного обнищания, как Маркс ставил это в «Капитале». Маркс абсолютное обнищание пролетариата связывал с периодическим и закономерным ростом резервной армии труда:

«Относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого обратно пропорциональна мукам его труда...» (Капитал, т.I)

Новиков же все это смешивает, и у него получается смешной недотепа Маркс, который за 4 года с момента начала своих экономических исследований так и не додумался сравнить относительное количество богатств двух классов. Карлейль додумался, а Маркс - ну никак без буржуазной революции не мог до этого дойти.

Пункт 2 Новиков писал, явно рассчитывая на читателя, незнакомого ни с биографией Маркса, ни с историей экономических учений. Новиков пишет:

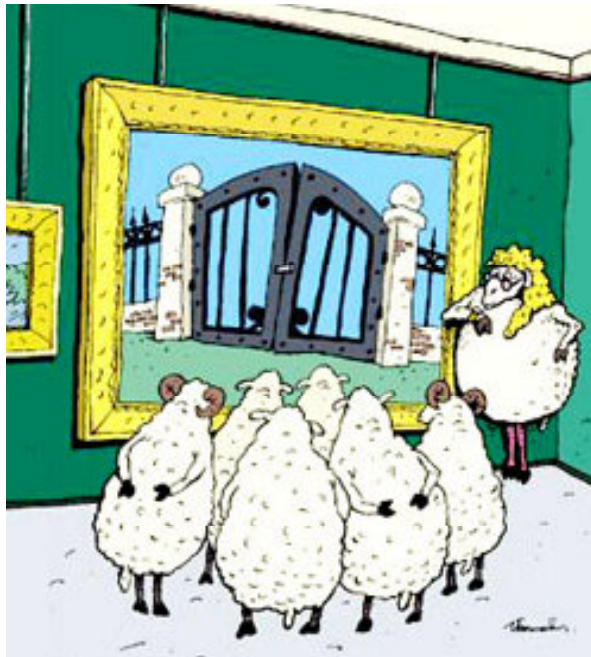
«Поражение европейской революции 1848 года побудило Карла Маркса и Фридриха Энгельса обратиться к политической экономии, что нашло выражение в многолетней работе Маркса над «Капиталом», а также в ряде произведений Энгельса. Результатом этого обращения стало, в частности, открытие особой природы то- вара «рабочая сила.»

Но вот незадача - Маркс обратился к политэкономии не в 1848, а в 1844, на этот счет есть «Экономико-философские рукописи», прибавочный труд «открыл» не Маркс, а Риккардо. Риккардо уже выделял долю необходимого труда в зарплате. Отрицание же экономизма у Маркса не связано с открытием относительного обнищания - даже если поверить Новикову, что Маркс

до 1848 года об относительном обнищании ничего не знал, но, тем не менее, в «Манифесте», он говорит о бесперспективности экономической борьбы как таковой. Эти спекуляции «экономистов» на одной фразе, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, обрыдли уже и без Новикова. Только Новиков теперь спекулирует на этой фразе с обратным вектором. Представление о тезисе об относительном и абсолютном обнищании как источнике экономизма на редкость поверхностно, потому как действительным источником экономизма в МО является преклонение перед стихийностью, вытекающее из непонимания связи между базисом и надстройкой, неверное определение понятия класса, а в общем плане - философский идеализм, когда общество не воспринимается как особая форма материи.

Новиков жульнически приписывает своим оппонентам, которые выступали против увлечения партийцев экономизмом, отрицание относительного обнищания, хотя ни одного факта привести не сможет. В примечании к своим обвинениям Маркса в забвении относительного обнищания он пишет:

«До сих пор даже в коммунистическом движении можно ещё встретить людей, которые в понимании этого вопроса остались на уровне «Манифеста Коммунистической Партии», т.е. на уровне первого этапа развития марксизма.... Такие взгляды, поэтому, не только глубоко ошибочны теоретически, но и крайне вредны практически, так как под влиянием таких людей поле организации экономической борьбы объявляется стихийным, руководство этой борьбой — ненужным, а сама эта борьба представляется ими чисто стихийным самопроизвольным естественным процессом, который не требует никакого сознательного вмешательства.»

По существу это капитулянтская точка зрения, которая может привести к тому, что очень скоро во главе рабочего движения окажутся не коммунисты, а немцовская «Солидарность».

Собственно, механизм перехода тезиса об отсутствии относительного обнищания в отрицание экономизма у него не раскрыт. Его утверждение, что те, кто отрицают относительное обнищание, отрицают и необходимость экономической борьбы, есть утверждение, аналогичное приказу копать от забора и до обеда. Далее Новиков повторяет стандартный бернштейнианский тезис:

«Таким образом, даже если пролетарий становится сегодня немного богаче, чем вчера, то по сравнению с правящими классами он всё равно будет беднее, так как эти классы богатеют быстрее, чем он. Из этого следует, что экономическая борьба рабочего класса не только способствует его организации, но и может значительно

улучшить положение пролетариата в буржуазном обществе путём сокращения рабочего дня, улучшения условий труда и роста заработной платы.»

Новиков просто упивается идеей того, что он шагнул дальше Маркса времен Манифеста в вопросе понимания проблемы относительного обнищания. Спекуляция Новикова состоит в том, что, если признать, что обнищание рабочих **абсолютное**, то это поймёт даже самый тупой рабочий и отправиться на стихийную борьбу сам, а поскольку сегодня господствует **относительный** тип обнищания, то рабочие это самостоятельно понять не могут и поэтому нужны коммунисты, которые будут поднимать пролетариев на экономическую борьбу через пропаганду коммунистов, как людей Новикова, открывшего тайну **относительного** обнищания. Главная дурость новиковского утверждения состоит в том, что в развитых капстранах, где преоблада-

ет **относительный** тип обнищания, миллионные забастовки и массовые погромы происходят без сколь-нибудь заметного вмешательства коммунистов. Рабочий, делающий своими руками «линкольны» понимает, что он не может его купить никогда и это злит рабочего больше, чем вся «кумунистическая» пропаганда Новиковым необходимости забастовок за подъём зарплаты до уровня, когда ты... все равно не можешь купить «линкольн». Поэтому, сегодня в Европе и Америке, когда пролетарии, подогретые бреднями местных новиковых из «Норд стар компас», вываливают на улицы, то ничего кроме сожжения мусорных баков и «линкольнов» они не делают и не требуют.

Новиковы все напрочь забывают, что относительное повышение жизненного уровня

1. есть лишь ИНДЕКСАЦИЯ, то есть, в целом, запаздывающее поддержание прежнего уровня жизни

2. неизбежно отстает от растущих объективных требований общественной жизни. Иными словами, экономизм есть не ПОВЫШЕНИЕ образовательного уровня рабочих, увеличение степени их экономической свободы и возможностей для развития, а поддержание себя от ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ОПУСКАНИЯ. Мысль, что экономизм ПОДНИМАЕТ положение рабочего, есть типичное преклонение перед стихийностью, потому что действительно поднимает рабочего при ЛЮБОМ экономическом его положении только обогащение его мозга ЗНАНИЯМИ, а первой предпосылкой этого является не столько возможность смотреть телевизор на два часа больше, а марксистская работа по обществоведческому образованию рабочих. Представление новиковых, что им, новиковым, надо бороться за болотную копейку, потому что рабочий на эту болотную копейку пойдет купит гениальный труд Новикова, ни на чем не основано. История знает только одиночек, которых объективно благоприятные условия, без существенной работы интеллигентов «извне», подвинули к политическому просвещению. Но зато знает множество примеров, когда самые бесправные и забитые рабочие, заинтересовавшись марксизмом, урывая от сна крохи, старательно учились политграмоте.

Маркс в той самой работе, на которую Новиков ниже ссылается, когда утверждает, что экономизм «улучшает» условия жизни пролетариата, ни разу не пишет об УЛУЧШЕНИИ. Например, он рассматривает тот случай, который Новиков принимает за «улучшение» абсолютно-

го материального положения:

«Вследствие роста производительности труда то же самое количество жизненных средств, в среднем ежедневно потребляемое рабочим, может понизиться в цене с 3 до 2 шилл., другими словами, для того чтобы воспроизвести эквивалент стоимости ежедневно потребляемых жизненных средств, вместо 6 часов рабочего дня потребуется только 4 часа. Теперь рабочий сможет купить за 2 шилл. столько же жизненных средств, сколько раньше он покупал за 3 шиллинга. Стоимость труда действительно понизилась бы, но при этой уменьшившейся стоимости труда рабочий располагал бы тем же количеством товаров, что и прежде. Прибыль в этом случае повысилась бы с 3 шилл. до 4, а норма прибыли — со 100% до 200%. Хотя абсолютный уровень жизни рабочего остался бы прежним, его относительная заработная плата и вместе с тем его относительное общественное положение, положение его по сравнению с капиталистом, ухудшилось бы. Сопrotивляясь этому понижению относительной заработной платы, рабочий требовал бы только известной доли в том, что дают возросшие производительные силы его собственного труда, и стремился бы только сохранить [!!!!] свое прежнее относительное положение на социальной лестнице. Так, после отмены хлебных законов английские фабриканты, совершив вопиющее нарушение торжественных обещаний, которые они давали в пору агитации против хлебных законов, понизили заработную плату в общем на 10%. Сопrotивление рабочих на первых порах оказалось безрезультатным, но потом, вследствие обстоятельств, на которых я не могу сейчас останавливаться, потерянные 10% были отвоены вновь.»

Иными словами, по Марксу, борясь экономически, пролетарий лишь СОХРАНЯЕТ относительное положение на социальной лестнице, иными словами, относительно возросших возможностей развития все равно топчется на месте. Факт

относительного обнищания никоим образом не ведет к росту уровня жизни в результате экономического сопротивления. Маркс специально пишет для английских новиковых резюме, утверждая совершенно противоположное тому, что приписал Марксу Новиков:

«Во всех рассмотренных мною случаях, — а они составляют 99 из 100, — мы видели, что борьба за повышение заработной платы идет лишь следом за предшествующими изменениями, что она есть неизбежный результат предшествующих изменений в размерах производства, в производительной силе труда, в стоимости труда, в стоимости денег, в продолжительности или интенсивности выжимаемого труда, в колебаниях рыночных цен, обусловленных колебаниями предложения и спроса и соответствующих различным фазам промышленного цикла; словом, эта борьба является противодействием, которое труд оказывает предшествующему действию капитала. Рассматривая борьбу за повышение заработной платы независимо от всех этих обстоятельств, принимая во внимание только изменения заработной платы и упуская из виду все другие изменения, обуславливающие их, вы исходите из ложной предпосылки, чтобы прийти к ложным выводам.»

Я даже не знаю, чего у Новикова больше - то ли невежества, то ли наглости так откровенно врать.

Пункт 3 с тезисом, что *«В результате (экономической профсоюзной борьбы) пролетариату Западной Европы в целом удалось превратить абсолютное обнищание в относительное»*, вообще, бредов в целом. Новиков в упор не понимает, что рабочие ОДНОВРЕМЕННО испытывают и относительное, и абсолютное обнищание, просто в исторически разных условиях разные группы рабочих испытывают преимущественно тот или иной вид обнищания. В той же работе *«Заработная плата, цена и прибыль»* Маркс рассматривает как имеющие место одновременно оба случая. По Новикову же, получается, что объективная тенденция - это переход от абсолютного обнищания к относительному. Типичное бернштейнианство в классическом виде. Тем более бредово утвержде-

ние, что только благодаря этому чудесному превращению *«во второй половине XIX века фактически был завершён процесс соединения научного социализма с рабочим движением, начатый ещё в Союзе коммунистов во второй половине сороковых годов XIX века.»* Иными словами, по Новикову соединение рабочего движения с научным коммунизмом зависит не от усилий марксистов по пропаганде науки в рабочей среде, а автоматически - от стихийного развития экономического сопротивления. И чем, спрашивается, это отличается от идеи «экономистов», что рабочий «сам» из своих боданий с предпринимателем выдумает научный социализм и революционное сознание?

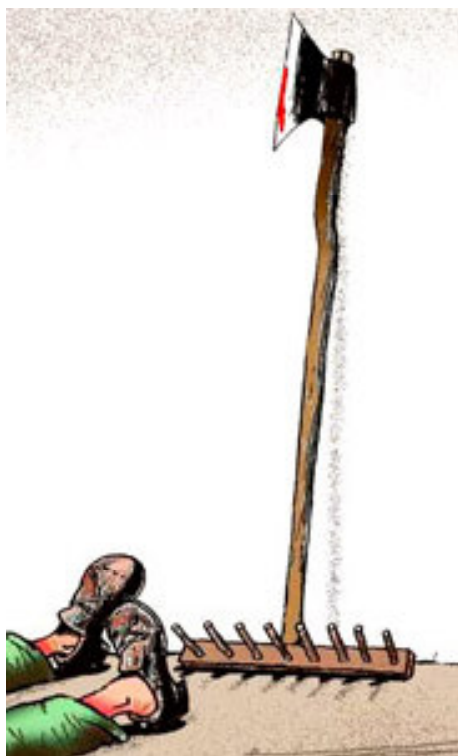
Тихим маразмом веет от мысли, что процесс соединения рабочего движения с научным коммунизмом «завершился» к концу 19 века. Спрашивается, а что тогда большевики делали среди рабочих после этого периода? В домино играли? Где результат этого объединения в Европе? И к чему были все эти дискуссии о профсоюзах после победы революции? В пункте 3 Новиков говорит о появлении течения, которое желало ограничиться экономизмом и перечисляет известных западных бернштейнианцев - спрашивается, откуда они взялись, если процесс был завершен, и научный социализм соединился с рабочим движением? О завершении можно было бы говорить, если бы эти люди и знаменовали собой «научный социализм», но наличие людей с явно ненаучными идеями о завершении процесса никак не говорит.

Пункт 4 тезисов радует нас светлыми открытиями одинокого ума:

«Только с переходом от пропаганды к агитации, который произошёл по инициативе В. И. Ленина в середине девяностых годов XIX века, с переходом к сознательной организации этой борьбы стало возможным объединение трёх форм классовой борьбы пролетариата: экономической, политической и теоретической.»

«Переход от пропаганды к агитации» - это звучит крайне смешно. То есть, предпосылками формирования РСДРП было не теоретическое оформление программы партии, а просто механическое упрощение и тиражирование материалов. Приехали. Ленин, оказывается, *«соединил три формы борьбы - экономическую, политическую и теоретическую»*, только беда вот, что эти теоретическая борьба с политической никог-

да разъединены не были, ибо всякая политическая теория есть политика, и никакая политика невозможна без теории, про партийность философии Новиков, как я понимаю, никогда не слышал. Экономическую же борьбу никто ни с чем не соединял, постольку поскольку она самодостаточна и не требует никаких соединений. Для экономизма не нужна теория - экономисты замечательно обходятся примитивными поверхностными идейками наподобие возможности улучшить благосостояние без всяких революций, политики экономизму тоже не надо - потому что экономизм уверен, что экономической борьбы достаточно для повышения жизненного уровня рабочих. Экономической борьбой, наоборот, пользовались для разворачивания политической агитации, но Новикову, похоже, этого не понять, как можно чем-то пользоваться, но не соединять. Не знаю, поймет ли он такой пример - для того, чтобы пользоваться зубной щеткой, необязательно вживлять ее в челюсть. Вот так и тут, экономическая борьба отдельна, политическая отдельна, на экономические стачки можно и нужно приносить политическую литературу и вести политическую агитацию. Но зачем в политику тащить экономизм? Или вместо того, чтобы засунуть щетку в рот, Новиков при ежедневной чистке зубов выламывает себе челюсть?

Экономизм также не мог быть «проявлением» соединения теоретической и политической борьбы, хотя бы потому, что существовал задолго до всяческих марксизмов. Новиков приписывает этому соединению «рабочие законы»... 1896 года, принятые задолго до того, когда можно было говорить о партии и ее марксистской программе. Вопрос о тактике относительно экономического движения был рассмотрен только в работе «Что делать», то есть 1902 год, на 8 лет позже. Новиков опять ставит все с ног на голову - у него не работа социал-демократов в рабочем движении и теоретическое оформление движения стали базой для формирования партии, а совокупившиеся где-то «на небеси» «три формы» породили РСДРП. Из исторических фактов Но-

виков стряпает винегрет, густо перемешанный с лапшой. Борьбу Ленина против отзовизма в 1906 году он представляет как борьбу ЗА экономизм:

«В то же время В. И. Ленину приходилось выступать и против отдельных проявлений левацкого пренебрежения экономической борьбой, которое наблюдалось у некоторых большевиков и отзовистов, пытавшихся противопоставить этой борьбе подготовку вооружённого восстания. В борьбе с этим недомыслием Ленин неизменно подчёркивал, что любая политическая борьба, в том числе и декабрьское во-

оружённое восстание в Москве, могут иметь силу лишь в том случае, если будут тесно связаны с экономической, прежде всего стачечной борьбой рабочего класса».

Отзовизм в объективной реальности, которой Новиков упорно пренебрегает, был фактически ПОСЛЕ декабрьского восстания, а не ВМЕСТО, эта новиковская перетасовка дат рассчитана на дурачков, ни разу не читавших даже «Краткого курса истории ВКП(б)». Позицию Ленина по вопросу ПОЛИТИЧЕСКОЙ тактики в 1905-07 гг. Новиков превратил в позицию относительно экономической борьбы. Для него разницы нет - что

Госдума, что профсоюзы. Отзовисты-то призывали к отзыву из Думы и легальных политических организаций, а не к прекращению экономической борьбы. Вопрос об экономической борьбе в то время вообще не стоял на повестке дня, она шла своим чередом, иногда пересекаясь, иногда нет, с политической.

Пункт 5 нас радует новостью - раскол рабочего движения на революционное и оппортунистическое произошел только в 1919 году. Интересно, и что же - ранее никаких революционных течений в рабочем классе не было, и оппортунистических тоже? А раскол РСДРП на большевиков и меньшевиков?

В реальности же раскол движения на оппортунистическое и революционное произошел задолго до деклараций, течения возникли и поделались прак-

тически сразу после возникновения. Так что никакого решающего влияния на отношение коммунистов к экономической борьбе этот факт не оказал.

Пункт 6 тоже доставляет радости не по-детски: Новиков сам пишет, что столь лелеемая им экономическая борьба и укрепление профсоюзов в своем логическом развитии ведут... к вымыванию коммунистов из рабочего движения.

«После второй мировой войны происходит крайне противоречивый процесс объединения профсоюзов (например, объединение АФТ и КПП в США), который объективно способствует усилению рабочего движения, но в то же время происходит и вымывание из профсоюзов коммунистов и революционных марксистов, в результате всё движение в целом становится слабее в качественном отношении.»

Так вот ради чего Новиков нас на протяжении всей статьи убеждает в важности и нужности для коммунистов заниматься экономизмом и укреплять профсоюзы! Не понимая абсурдность политики американских коммунистов, которые вместо партийного строительства создавали и укрепляли профсоюзы, из которых беспринципные профсоюзные вожаки их погнали, Новиков в пункте 7 тут же рапортует о том, каких важных успехов удалось добиться рабочим от укрепления антикоммунистических профсоюзов! Для человека, называющего себя коммунистом, немыслимо при крахе почти полвека титанических усилий американских коллег радоваться тому, что *«империалистические монополии и буржуазное государство получают возможность пойти на значительные уступки рабочему классу, а, с другой — общее профсоюзное и левое движение набирает достаточную силу, чтобы эти уступки отвоевать, рабочий класс добивается в своей экономической борьбе временных, но значительных успехов.»*

Впрочем, для подтверждения «великой прогрессивности» профсоюзов он продолжает кормить читателя до отвала винегретом из фактов - поражение профсоюза горняков в Великобритании он выдает за политический разгром рабочего движения. Хотя политика там была грошова, причем исключительно буржуазная - стандартная борьба лейбористов с консерваторами.

Эти нехитрые славословия профсоюзам связаны с общепопартунистическим явлением профсоюзного фетишизма. Не доводя анализа этого

явления до его отмирания, догматически считая пользу от профсоюзов несомненной, не видя границ, за которыми относительная польза, состоящая в собирании людей в одном помещении, превращается в свою противоположность, Новиков садится в лужу и из всего опыта, наработанного коммунистами в профсоюзах, не делает никаких существенных выводов. Здесь он подобен Паниковскому, который на вполне справедливые сомнения в правильности прежней политики по увлечению экономизмом, выдает только задушевное: «Пилите, Шура, пилите!».

В пункте 8 Новиков осторожно подпускает троцкизму, говоря про «правлящий слой» в СССР и рабочий класс как «номинального собственника». Иными словами повторяет тезис Троцкого : а) бюрократия является классом, б) общенародная собственность в СССР не делала рабочих собственниками средств производства. Идеологическая комиссия МО, к стыду своему, этот троцкизм радостно проглотила, не задавшись вопросом, что троцкист Новиков делает в РКРП.

Для сравнения. В **«Преданной революции»** Троцкий пишет: *«Советская же бюрократия поднялась над таким классом, который едва выходит из нищеты и тьмы и не имеет традиций господства и командования... В этом смысле нельзя не признать, что она есть нечто большее, чем бюрократия. Она есть единственный в полном смысле слова привилегированный и командующий слой в советском обществе.»*²

Как говорится, найдите отличия. Однако Новиков, хоть и неумело, но пытается прискорбный факт троцкизма стыдливо скрыть, ибо в следующем абзаце он говорит, что рабочие выступали против «СВОЕГО ГОСУДАРСТВА», делая вид, что он еще не определился, было ли социалистическое государство для рабочих «своим» номинально или фактически. Этот финт ему нужен для того, чтобы его никто не зашучил как троцкиста - с одной стороны вякнул троцкистский тезис про бюрократию как класс, которая лишила рабочих собственности, а с другой - будет ссылаться на то, что СССР принадлежал самим рабочим.

Впрочем, этот финт также взят из троцкистского арсенала. Там же Троцкий пишет:

«Бюрократия еще не создала для своего господства социальной опоры, в виде особых форм собственности.»

Она вынуждена защищать государственную собственность, как источник своей власти и своих доходов. Этой стороной своей деятельности она все еще остается орудием диктатуры пролетариата.»

Почему так? Да потому что сам Троцкий четких взглядов на классовую структуру советского общества не имел, когда ему приводились аргументы в пользу общенародного характера собственности в СССР, он говорил о том, что госсобственность как бы собственность еще пролетарская, а когда надо было пнуть Сталина, то советское государство у него резко становилось орудием враждебного «бюрократического класса». Эта беспринципность самого Троцкого есть, в частности, и источник непрерывных расколов троцкизма. Новиков здесь, как самый верный последователь Троцкого, повторяет дословно все троцкистские тезисы, а идеологически сонные партийцы, собравшиеся на «теоретический семинар» благодушно потащили это на партийный сайт.

Тезисы непосредственно про профсоюзы Новиков пишет, судя по содержанию, в сильном душевном волнении. Оказывается, в России отсутствуют профсоюзы. Представляете, в Испании есть, а в РФ – нет. А еще профсоюз не должен иметь собственность, и тогда он будет «боевой», а иначе он будет бояться, что государство собственность отнимет и перестанет быть профсоюзом!

Дословно:

«рабочий класс России не имел и до сих пор не имеет такого необходимого инструмента классовой борьбы, как профсоюзы. ФНПР не являются таковыми, так как по советской традиции всё ещё объединяют работников с работодателями; они обременены унаследованной от ВЦСПС значительной собственностью, что заставляет их бояться национализации со стороны буржуазного государства и делает их незаинтересованными в росте поступлений от взносов; а главное — по кадровому составу своего руководства на верхнем и нижнем уровнях, а также по своей традиции они никогда не воспринимались и не воспринимаются как органы защиты интересов рабочих.»

Петросяну до Новикова как до Луны лесом. Профсоюз, по Новикову, от непрофсоюза отличается

- отсутствием собственности
- взносами как единственным видом доходов

- отсутствием формального членства администрации
- субъективным восприятием рабочих.

Мы-то, наивные, полагали, что профсоюз – это организация, которая несет некоторые функции в системе отношений между работником и работодателем, а нет, согласно последним открытиям все совсем не так.

Новиков притягивает за уши тезис об отсутствии профсоюзов, равно как и тезис о том, что профсоюзы ФНПР «традиционно» не защищают рабочих, исключительно потому, что по своей глупости не знает, что это НОРМАЛЬНЫЕ профсоюзы, которые нормально выполняют свою функцию – то есть, коллективно, выступая от имени рабочих, торгуются с работодателем.

Формы выполнения этой функции никакого решающего значения не имеют. Любая экономическая забастовка, какими бы она средствами не велась – будь то простая «волынка» или же выкатывание к административному зданию захваченной пушки, имеет ровно ту же цель, какую и ФНПР-овские профбоссы. Разница между «боевыми» и «небоевыми» профсоюзами только в РАЗМЕРЕ выцыганенной прибавки, а вовсе не качественная, как утверждает Новиков. ФНПР выторговывает меньше, но зато верно, плюс может иногда помочь с путевкой или медпомощью (если у профкомов остались какие санатории или поликлиники в ведении), «независимый боевой» профсоюз никаких путевок, льгот и копеечной помощи раз в полгода не может дать, зато требует прибавку побольше, но этот путь гораздо более рискован. Фактически профдвижение есть одна из форм страхования и не более, одна страховая компания обещает при меньших взносах меньшую компенсацию, другая при больших – большую, с разной степенью рисков.

ФНПР Новикову не нравится не потому, что Новиков так болеет за нужды рабочих, а потому, что дискредитирует саму идею экономизма, показывая ограниченность профсоюзов как метода борьбы за улучшение жизни и конечную точку их эволюции. Новиков и единомышленники никак не могут расстаться с засевшей в голову догматической идеей об обязательной необходимости профсоюзного движения, потому что в условиях краха ФНПР они пытаются реанимировать отгнившее и разоблачившее себя под вывеской неких «боевых профсоюзов».

Коммунист понимает под профсоюзом не более, чем некоторый механизм стихийной индексации зарплаты рабочих, который для коммуни-

стов интересен только тем, что в нем участвуют массы рабочих, собранные в одном месте одной организацией. Потому вопрос о профсоюзах в целом стоит постольку, поскольку профсоюзы охватывают массы и оказывают влияние на них. Если профсоюзы не пользуются авторитетом в массах, то для коммуниста естественный вывод - это стать самому авторитетом для масс. Новиков же вместо этого предлагает создать такой профсоюз, который будет пользоваться авторитетом. Наверное, затем, чтобы, как это было в приведенном им же примере с АФТ, коммунистов из него выперли. Вспоминается песенка из детского фильма про то, что «нормальные герои всегда идут в обход», там были слова:

**«И мы с пути кривого
ни разу не свернем,
а надо будет - снова
пойдем кривым путем».**

Так вот, попытки создать вместо ФНПР некие «боевые профсоюзы» как раз и являются попытками повторения кривых путей. Если у коммунистов конца 19- начала 20 века не было иных путей, кроме как кривых, то есть работать в профсоюзах, постольку поскольку они были гораздо сильнее коммунистов и имели больше авторитета, то сейчас потеря авторитета профбоссами многими такими «нормальными героями» воспринимается как жуткая личная потеря. Они просто не понимают - как так, идти прямо к рабочим с политической агитацией, выработать самостоятельную политическую линию для сегодняшнего момента они неспособны, а потому согласно заложенному в головах шаблону тянут рабочее движение «в обход». С тем же результатом, к которому пришли «нормальные герои» из фильма «Айболит-66», то есть, устали, выдохлись, а результат-то нулевой. И при этом, не отступая от шаблона «партия-профсоюзы-массы» ни на шаг, Новиков в п. 10 пытается нас уверить, что «вопрос о том, должны ли коммунисты заниматься экономической борьбой, не имеет и не может иметь универсального шаблонного решения.» Впрочем, «нешаблонные решения» весьма стандартны - там и старая оппортунистическая теория о «приведении зарплаты к стоимости рабочей силы» (иначе как понимать его фразу о «недооценке товара рабочая сила» в России?), и столь же старая оппортунистическая мысль о том, что коммунистам надо «помогать» рабочим выбивать экономические уступки и все тот же старый шаблон, что коммунисты обязаны организовывать профсоюзы...

Это все старо и банально. От каждого заурядого профсоюзника можно услышать «пачку» таких откровений. Непонятно, как во всей этой ерунде кто-то способен узреть нечто собственно коммунистическое. А в остальном у него идет словесная эквилибристика с тонкой примесью умственного расстройтва. Упирая на «выбивание» зарплаты силой, Новиков «тонко» подмечает, что зарплату можно «выслужить», а можно «выбить». Он пишет:

«В результате рано или поздно зарплаты в промышленности будут повышены. Но если это произойдет не под напором классовой борьбы, а в виде добровольного пожертвования буржуазии, то тогда это повышение сыграет против коммунистов, так как оно достанется в основном не тем, кто его завоевал, а тем, кто его выслужил. Если же это повышение будет именно завоевано под давлением рабочих, то, во-первых, оно будет более весомым, а, во-вторых — оно послужит усилению влияния и авторитета коммунистов в рабочем движении, как это было в России на рубеже XIX и XX веков.»

Однако не понимает того, что способ выльничивания зарплаты зависит не от субъективных пожеланий новиковых, а от объективного состояния на рынке труда. Там и тогда, когда объективная обстановка позволяет «выслужить» зарплату, рабочие ее выслуживают, там, где это невозможно, выбивают. А у него получается какой-то театр абсурда с этим «выбором способа» - если буржуй может и «сам» поделиться, то зачем у него «выбивать». Если же он поделиться не может или не хочет, то соответственно, он никакого служаку подкармливать не будет. Иными словами, по Новикову, «боевое воспитание» рабочего класса ставится либо в зависимость от рыночной конъюнктуры, либо вообще от субъективных желаний капиталиста. Да и вообще, смысл каких-то действий в его тезисе сомнителен, ибо если «рано или поздно» зарплата повысится, то к чему городить огород с профсоюзами и «выбиваниями». После чего впадает в мистику и рассуждает о вопросах «веры»:

«огромные массы людей вообще и значительные слои рабочего класса в особенности просто не верят не то что в новую социалистическую революцию и в диктатуру пролетариата, в которой самим им придется осуще-

ствлять всю полноту политической власти, — они зачастую не верят даже в возможность самых микроскопических изменений в результате своего собственного движения... Без малых побед такие люди никогда не поднимутся до борьбы за победы большие, никогда не поверят в свои коллективные силы, в свой класс, свой профсоюз, свою партию.»

Новиков **совершенно** не понимает роли ЗНАНИЙ в революционном процессе. Для него пролетариат - это сборище марионеток, которых надо заставить какими-то манипуляциями «поверить», после чего он сам возведет божеству храм и изгонит нечестивых буржуев. Между тем как, непосредственным условием вообще какой-то деятельности является наличие ЗНАНИЙ о том, что надо делать, будь эта деятельность варкой супа или политическая борьба. Новиков же вместо этой подготовки уповает на какую-то «атаку клонов». Ближе к концу опуса Новикову окончательно изменяет способность мыслить логично. Он пишет, что *«соединение экономической и политической борьбы таит в себе и определённую опасность хвостизма и оппортунизма... если реформистский «журавль в руках» не будет трактоваться коммунистами как неизбежная ступень и проба сил для того, чтобы в конце концов поймать и «синицу в небе»*

Но проблема в том, что экономизм, как показывает практика, не является «ступенью» развития революционного движения. Он существует параллельно и до, и во время, и ПОСЛЕ революции. Он после революции, вообще, контрреволюционен - совершенно не зря, за «экономические» требования рабочих при Советской власти цеплялись меньшевики, эсеры и более откровенные контрики. Он не прекращается с революцией и, тем более, не прекращается с достижением приемлемой коммунистической сознательности рабочего класса, экономизм не просто «несет опасность» оппортунизма — это есть непосредственно буржуазное течение, которое отмирает вместе с буржуазными отношениями, то есть, по достижению полного коммунизма.

Вопрос о стадийности классовой борьбы для экономизма является основным. Рассматривая экономизм как ЭТАП развития рабочего движения, сторонники этой теории подразумевают, что развитие политического сознания имеет ту же причину, что и экономической борьбы, что корни этих явлений общи. Однако все обстоит совсем

не так. Источником экономических стачек служит стихийный протест против снижения уровня жизни, в то время, как политическое сознание не может повышаться иначе, как путем обогащения сознания научными знаниями. Осознание того факта, что тебя грабят, еще не является ступенью к обогащению мозга научными знаниями, постольку поскольку этот обыденный факт не дает ничего такого, что может послужить инструментом для избавления от грабежа. Осознание факта зимних холодов ничего не добавляет в строительную технологию, но только владение этой технологией позволяет зимой не замерзнуть.

Теория стадийности имеет свои корни в стихийной неоднородности развития сознания пролетариев в каждый исторический момент времени. Одни пролетарии в большей, другие в меньшей степени развиты и образованы, в любой группе пролетариев мы будем иметь, как относительно прогрессивные слои и отдельных индивидов, так и относительно реакционные и неразвитые. Проблема экономизма в том, что партийные интеллигенты, очень плохо или однобоко зная пролетариат, отказываются рассматривать градации пролетариев и в глубине души считают их всех безнадежно отставшей серой массой, неспособной ни прислушаться к политической агитации, ни воспринимать теоретические положения марксизма. Такое положение усугубляется тем, что эти интеллигенты, по причине своей личной политической беспомощности, не способны иметь какой-либо успех среди рабочих со своей пропагандой. Получается, что интеллигенты, попытавшись топорно и кустарно «сагитировать» рабочих повторением штампованных банальностей про антинародный режим, терпят поражение, но признать своей пропагандистской убогости не хотят. Не умея привлечь наиболее сознательных и развитых рабочих, для которых вульгарное «упрощенчество» пропаганды современных коммунистов уже пройденный этап в политическом развитии, тем более они не могут привлечь и отсталых. В силу чего списывают свои неудачи на рабочих, дескать, рабочий сер, отстал и не понимает своей выгоды. Но тут возникает несогласованность с зазубренными когда-то штампами о том, что классовая борьба обязательно должна вылиться в революцию, теряется смысл коммунистической деятельности. Это упадничество находит свой выход из тупика в теории «стадий». Полагая пролетариат за однородную отсталую массу, они

представляют эту отсталость как стадию, этап в развитии, который логика развития сама должна изжить.

В данной теориейке, с диалектической точки зрения, эклектично намешано много всякой гадости. Во-первых, как упоминалось, источником как развития политического сознания рабочих, так и экономической борьбы считается один фактор – стихийный протест против экономических проблем. Во-вторых, сторонники «стадий» совершенно не в курсе о том, какие движущие силы определяют новое качество более высокой стадии, по их представлениям, это качество появляется автоматически из количества забастовок, однако такой подход выдает только огромные пробелы в диалектике. Потому что новое качество не «появляется» из количества, а оно содержится в самой вещи, количественные характеристики вещи, меняясь, лишь позволяют проявиться тому или другому качеству. Источником изменения качества при переходе веществ в качественно различные состояния (например, при плавлении) является качество связей атомов или молекул между собой. Накопление количественных показателей тех или иных связей дает различное качество возникающих веществ. Точно так же и в рабочем движении – источником политического качества рабочего движения в целом является наличие политически грамотных, марксистски образованных рабочих, принципиальная возможность рабочих становиться марксистами. В ситуации, когда таких рабочих мало, общее качество рабочего движения не выходит за рамки экономизма, однако, увеличивая количественно ЭТОТ ФАКТОР, мы получаем новое качество. А согласно теории стадий, по которой бастующие за зарплату рабочие приобретают политическое сознание пропорционально энергичности и частоте забастовок, получается философский бред. Аналогом этой «философии» в химии будет утверждение, что, увеличивая скорость броуновского движения молекул и увеличивая массу взятого вещества, мы будем иметь химически новое вещество.

Таким образом, отказ от анализа свойств и структуры пролетариата, выявления в нем прогрессивных тенденций, наиболее передовой группы и ориентации на эту передовую группу рабочих закономерно ведет к тому, что экономизм считают «этапом» развития рабочего движения, а не деятельностью политически отсталых масс,

имеющей место на всех этапах развития, при которых существует качественная неоднородность этой группы.

Ленин выделяет три категории рабочих – отсталых, «средняков» и прогрессивных рабочих-революционеров, предлагая политической организации развивать количественно и качественно именно эту категорию. Ленин видит в передовой части рабочих тот фактор, количественное увеличение которого в общей массе и дает качественное изменение целого, а вовсе не побуждение рабочих к перманентным стачкам за «болотную копейку». Потому восприятие экономической борьбы как «ступени в воспитании рабочих» есть фактически отказ от действительного воспитания рабочих в коммунистическом духе, потому что превращается в ожидание, когда пролетариат «пройдет этот этап», в то время как он не пройдет его в капиталистических условиях никогда, точно так же, как и оппортунизм будет постоянно сопутствовать буржуазным отношениям. И избавляться от «экономического» оппортунизма необходимо точно так же, как и от остального оппортунизма - повышением сознательности, разоблачением его бесперспективности, а вовсе не «трактованием его как неизбежности и необходимой ступени». Новиков в последнем абзаце, вроде бы, соглашается с тем, что надо критиковать ограниченность экономизма, но оговоркой сводит свои же слова на нет - оказывается, с оппортунизмом и хвостизмом надо бороться там, где оппортунизм приобрел господствующие позиции, то есть, в империалистических странах, а там, где он только-только начинает охмурять рабочих, бороться с ним не надо. Надо подождать, пока профсоюзы в России окрепнут (и вообще перестанут пускать коммунистов на предприятия), а потом уже бороться... То есть, если змееныш маленький, то его давить не надо, надо подождать, пока у него зубки прорежутся, и не просто ждать, а поить его молочком и укутывать потеплее, а то, ядовитенький, не дай бог, простудится...

Ведь примеров результатов подобной политики «создания» и «поддержки» профсоюзов не то чтобы масса, они прямо-таки подавляющи. Возьмем относительно недавний пример с «боевым профсоюзом» «Форда». Сколько партия обхаживала профлидера Этманова, сколько копий было сломано относительно поддержки «Форда», сколько пикетов в защиту проведено, а результа-

том стало только то, что укрепивший свои позиции среди рабочих Этманов публично распинается о том, что профсоюз должен быть «беспартийным», и вообще, политика в рабочем движении должна быть только такая, какая выгодна профсоюзам.

Или, например, в «Трудовой России» было опубликовано еще интервью с «рабочим лидером» председателем профсоюза работников ОАО «Сургутнефтегаз» «ПРОФСВОБОДА» Захаркиным³. Он там прямо и недвусмысленно говорит о той «политике», которая из «боевых профсоюзов» непосредственно вытекает. Когда корреспондент задает вопрос об отношении профсоюза к политике, потому что для решения проблем придется заняться политикой, он заявляет, что «трудящиеся сами придут к этому выводу, поработав в профсоюзе.» И конкретизирует по отношению к коммунистам:

«Нам всё равно, кто нам помогает. Вот недавно мы обратились к депутатам Госдумы с предложением отправить в Прокуратуру депутатский запрос по делу профактивиста из Якутии Валентина Урусова... Десять депутатов откликнулись на наше обращение. И совершенно неважно, из какой они партии.»

Спрашивается, откуда у новиковых такая уверенность, что, создавая профсоюзы, коммунисты не наплодят таких вот «политиков», которым «все равно», кто им помогает? По практике можно сказать, что уверенность у них базируется на идеалистическом представлении о чувстве «благодарности» профсоюзов к коммунистам, если коммунисты усердно погрудятся на благо экономизма. Но практика той же «Профсвободы» это не подтверждает - людям, занятым мыслями о своей зарплате, это чувство категорически чуждо. РКРП-РПК активно сотрудничает с такими профсоюзами, но как это происходит? Та же «Профсвобода» распространяет партийную литературу? Отнюдь нет, в интервью об этом ни слова. Дает слово на своих митингах и собраниях партийным товарищам? Тоже нет, об этом ничего не сказано. Публикует партийные материалы в своей прессе? Нет, нет у них прессы профсоюзной. Предоставляет помещение

для собраний хотя бы? Если профсоюз не помогает коммунистам вести пропаганду, то может, хоть материально помогут? Ага, ждите, все совсем наоборот: «Местная организация РКРП-РПК в Сургуте предоставляет нам своё помещение для собраний и совещаний, а газета «Трудовая Тюмень» (еженедельная газета Тюменской областной организации РКРП-РПК) публикует информацию о нашей работе». Иными словами, с Тюменской организацией у профсоюзников идет игра в одни ворота. РКРП-РПК им помещение, газету, а профсоюзники им... ничего. Кроме деклараций о том, что рабочие-члены профсоюза, если будут успешно работать в профсоюзе, когда-нибудь, может быть «сами» дойдут до «какой-то» политики.

Эта практика как раз и есть то, к чему нас призывает Новиков – идти в услужение к экономически настроенным рабочим, вместо политической пропаганды увязать в мелких экономических стычках, создавать профсоюзы и, растлевая рабочих «экономической» пропагандой, растить на шею нахлебников в лице «рабочих лидеров», наподобие этмановых и захаркиных.

Однако эта оппортунистическая песня настолько не новая, что претензии Новикова на идеологизирование в этом вопросе отдают банальным охранительством. Ведь Новиков, делая доклад на эту тему, признает наличие проблемы – коммунисты не знают, как относиться к проявлениям экономического сопротивления, это говорит о том, что текущая ситуация коммунистов не устраивает, они хотят узнать что-то новое, чтобы на базе этих знаний изменить ситуацию. Коммунисты видят многолетнюю возню партии вокруг профсоюзного движения, но не видят от этого существенной отдачи, потому они спрашивают – насколько целесообразно, и если целесообразно, то каким способом необходимо участвовать в экономическом движении, и что надо изменить для победы. На что заявляется Новиков и говорит нам: «товарищи, все нормально, все идет своим чередом, нет повода для беспокойства». «Пилите, Шура, пилите». Такая вот идеология. Такие вот идеологи. А что поделалась – дефицит.

Август – сентябрь 2009.

ЮМОР

ЧТО НАША ЖИЗНЬ... ИКРА**ЧЕЛОВЕК, ИГРАЮЩИЙ В РЕВОЛЮЦИЮ.
ЗАМЕТКИ ОБ ОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ КАК ИГРА
ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ИКРУ ЧЕРНУЮ, КРАСНУЮ И
ЗАМОРСКУЮ БАКЛАЖАННУЮ**

Аркадий Героев

Если бы кто поставил себе целью показать революционное движение в виде пошлой оперетки, то, разумеется, он избрал бы пародирование дешевого шпионского романа. Ведь как Новый год не бывает без елочки, так и революция не бывает без провокаторов, шпииков и героических революционеров, упорно избегающих преследований. Но практика, к сожалению, гораздо изощреннее самых изощренных фантазий. Увы, такая оперетка уже есть. Ее герои ходят по улицам с громкими воплями, трясут красным флагом и с неподдельной искренностью играют в революцию.

Обычно все крики из среды «левых» о провакациях спецслужб, о преследованиях и прочих радостях «настоящей» «р-р-революционной борьбы» являются ни чем иным, как симптомами паранойи. При пристальном рассмотрении работы многочисленных «протестантов» оказывается, что действительных причин для применения каких-либо мер против них попросту нет – «левые» организации ничего из себя не представляют, количество незначительное, авторитет в массах – нулевой, идеология – ниже табуретки, кадры никчемны и теоретически, и практически. Спрашивается, зачем?

И некоторое время, действительно, всяческих леваков даже пугала мысль – что же они делают не так, если их не хватают, не тащат в кутузку, не бьют по почкам. Ведь в прочитанных ими в детстве приключенческих рассказах про то, как Ленин кушал чернильницы, а жандарм – страшнейший человек, строящий

злобные козни. И, за отсутствием в мозгу каких-то иных знаний о революции, не понимали, почему у них ничего не получается. И, наконец, момент истины наступил. Они поняли, что если репрессий нет, то их надо добиться. И добились.

Особенность АКМа в целом и лично Удальцова состояла именно в том, что они открыли собой начало новой эпохи «борьбы». Если сторонники «агитации бомбой» в своем революционном мазохизме получили хорошие сроки и надолго выбыли почивать на лаврах героев, то Удальцов открыл секрет, как, поддерживая имидж «героев», не садиться надолго на казенные харчи. И даже при этом подрабатывать. В транспорте есть такая закономерность – чем короче путь, тем больше оборот техники, тем меньше ее надо для выполнения той же работы. Подглядел эту закономерность в маршрутке еще Анпилов, но Удальцов, обладая недюжинным здоровьем, реализовал это на практике и превратил в весьма выгодное занятие. Зачем садиться надолго? Надолго садиться непродуктивно – при дефиците сторонников их хватит лишь на короткое время, но если сократить срок до административки... Это была идея.

Нежная любовь Анпилова к Лимонову помогла Сереже в главном – в обучении персонала. Ведь среди «левой молодежи» в те славные времена не было единства относительно того, что им делать – то ли бухать тихо-мирно, то ли бухать нетихо и немирно. Вкупе с

лимоновцам вопрос решил быстро и споро – сначала сели первыми пошедшие по этому тернистому пути лимоновцы, а следом за ними пошел их более удачливый имитатор, отделяясь дешевыми штрафами и душевными разговорами с участковым. В то время как лимоновцы, получали реальные сроки и выбывали из игры, наш герой становился все героичнее, возвращаясь из анпиловских турпоходов на Москву, прорывов оцеплений и ментовок. Тренировки персонала «уличной борьбе» достигли вскоре своего результата – Удальцову удалось собрать стойкую группу убежденных мазохистов, твердо уверенных в анестезирующих свойствах C_2H_5OH и глубиной революционности драки с ментами.

После чего стало возможным приступить к коммерциализации проекта.

Тем более, что никакая партийная идеология, даже анпиловская, АКМ-у уже не мешала – после раскола АКМ и откола от Анпилова АКМ стал совершенно безыдейной организацией, весь идейный багаж которой состоит из

кричалок, пыхтелок, сопелок, вопилок, а интеллектуальный потенциал, как водится в таких случаях – из опилок.

Относительно близости к рабочему классу – тут также как-то неоткуда было взяться особой принципиальности. Основное ядро АКМ – это молодые люди, в основном без определенного рода занятий, а зачастую студенты, а наиболее часто встречающийся тип – это молодой человек, который сидит на родительской шее, имитируя учебу или работу, а сам в тусовку, и митинговать, митинговать...

Морально-этическое качество организации также оставляло желать лучшего – в ней процветали банальное пьянство и кулачные разборки, атрибуты любой тусовки гопников. Зайдя в штаб с утрачка, практически всегда можно было застать там какое-нибудь офингаленное тело, перерабатывающее поглощенный вечером этанол в революционную деятельность. В общем и целом, даже организации наблюдать не приходилось, ибо

Типичное завершения митинга АКМовцами.
Антикап 2002.

вопрос на собраниях «кто пойдет клеить листовки» периодически и регулярно перетекал в общеизвестное «кто пойдет за Клинским».

Спрашивается, кому нужно было такое добро? Так и на это нашелся рачительный хозяин. Беспринципная организация – находка для кого угодно. Как говорится, «для дурака не нужен нож, ему с три короба наврешь – и делай с ним, что хошь». Если кто мог наблюдать эту революционную оперетку, то мог бы заметить, что излюбленное занятие Удальцова и Ко – это пристраиваться к различным группам обиженных и оскорбленных, вне зависимости от того, кто и по какой причине выступает с проклятиями правительству. Сначала наивные АКМ-овцы с подачи своих вождей уверовали в революционность обманутых дольщиков, целиком и полностью поддержавши их мелкобуржуазные требования «честных сделок» при капитализме, потом в революционность столь же мелкобуржуазных бутовских выселенцев, которые, попытавшись сыграть с государством в перетягивание каната, порвали себе пупок и воззвали к «прогрессивной общественности». Все это сопровождалось любимыми развлечениями «настоящих революционеров» - то есть, избиваниями милицией, арестами, административными делами (в основном – по статье «мелкое хулиганство»), штрафами, в череде которых выработался особый стиль работы – афиширование внешних атрибутов борьбы, таких как драки, репрессии и многочасовая митинговщина и полное забвение сути вопросов. А атрибуты борьбы, как ни крути – товар. Пехота, обладающая особой стойкостью к дубинкам и отсутствием привычки к размышлению на каждом углу не валяется.

И тут-то оказалось, что нужны они, ой, нужны. Либералам, которые с бору по сосенке собирали хотя бы небольшую массовку вокруг своих съеденных мышами знамен. Но так просто взять и переметнуться к либералам – это отнюдь не просто. Нужен был некоторый переходный мостик, по которому можно было бы пройти, сохранив лицо.

И этим мостиком стал «Левый фронт». Как не так давно признался Э.Лимонов, человек, который активно участвовал в создании этого образования,

« «Левый фронт» был создан в результате активности либерала Гар-

ри Каспарова, ошибочно посчитавшего, что узкая «профессионализация» оппозиции («правых» - в «Солидарность», «левых» - в левый блок) будет полезна для оппозиции вообще и для работы оппозиционной Национальной ассамблеи в частности.

Каспаров оплатил конференцию левых сил...»

Правда, создавался он с нереальным скрипом даже при каспаровском финансировании – значительная часть организаций этого «фронта» оказалась попросту липой. Так, например, в Томске имитировали наличие организации, в Коми и Ярославле, по некоторым сведениям, никаких реальных людей нет, только на бумаге. Но это, в общем, вполне обычное дело в капиталистических условиях – как современные чичиковы обманывают налоговую, вписывая «мертвые души», так и Удальцов обманывает работодателя, вписывая мертвые души в свою труппу уличных лицедеев. Впрочем, и своих бойцов он также обманывает - начиная во времена Анпилова со сбора подписей за деньги на местных выборах, АКМовский вождь продолжил это дело с широким размахом, перефилировав организацию на защиту интересов тех, кто может хорошо заплатить.

В настоящее время театр имени героев Южного Бутово и точечных новостроек показывает какую-то пьесу абсурда, защищая права далеко не бедных черкизовских торговцев. По оценкам самих торговцев, речь идет о конфискованных на 140 миллиардов рублей товарах. Само собой, что сумма вполне достаточная для найма постоянных кнехтов, однако, несмотря на то, что вполне верится в то, что Удальцов подписался протестовать за этих «бедных сирот» не бесплатно, очень плохо верится в то, что его пехота поголовно работает за деньги. А призыв поддержать на московских выборах «оппозицию вообще» - это тонко обернутый призыв поддержать либералов. Обкатанный в буржуазной политике прием – найди наивных активистов, готовых работать бесплатно, продай их деятельность заинтересованным лицам, прибыль положи в карман, продолжай вербовку лопухих.

Лопухим в таких случаях втирают умело приготовленную смесь о личных геройствах вождей и страшных преследованиях, на кото-

рые невозможно решиться за деньги. И если таких преследований нет, то их банально придумывают. Иначе какие же революционеры, если их не преследуют? В августе АКМ разразился громким заявлением относительно страшных преследований и провокаций со стороны ФСБ. А в чем дело – оказалось, что революционеры, будучи на страшно секретном отдыхе в районе Сочи, были засняты неизвестными за распитием дорогих напитков и пожиранием красной и черной икры, каковой ролик и был выложен на всеобщее обозрение в Интернет. Оно, конечно, да, как-то после банкетов с Хенесси и икрой нелегко говорить о тяжелой жизни настоящего борца. Но спрашивается, а кого в таком случае винить надо? Это ФСБ виновата, что революционеры из всех видов досуга предпочитают распитие спиртного? Или может быть, под дулами пистолетов «левые фронтовики» шли в бар бухать черт знает с кем? Да потому и шли наши герои, что практика постоянных продаж организации то

лимоновцам, то пономаревцам, то каспаровцам не может обойтись без разного рода сомнительных встреч и пьянок, что практика революционного алкоголизма «на халяву» настолько обычна и естественна, что никто не заметил подозрительной пустоты заведения. А итогом стали легкая коньячная отрыжка и очередная «провокация», без которых в оперетке что-то не хватает.

А не хватает в ней смысла. С точки зрения коммунистов. Ведь спрашивается – чего ради омовцы бьют АКМ-овских ребят, ради того, чтобы Удальцов мог разговаривать с либералами, имея в активе некие «сверхрадикальные акции»? Ну, получается, что так. Кто-то очень наивный «верит в революцию» по прочитанной в детстве беллетристике, в то время как Удальцов играет роль «борца» и повторяет карьеру Маши Гайдар, только садясь на либеральный аэродром как бы «слева». И судя по всему, ему уже выложена дорожка. Бутербродами с икрой.

Сентябрь 2009

Редакция журнала « П р о р ы в » :

Мартынов Ю.М.,
(главный редактор),

Подгузов В.А.,

Петрова О.Б.,

Лбов А.В.

Н а ш и к о н т а к т ы :

Почтовый адрес : 109378
г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1,
квартира 79, Петровой О.Б.

Электронные адреса:

webmaster@proriv.ru,
petrova@proriv.ru,
kohet@list.ru

Телефоны:

378-37-59 Петрова О. Б.
387-16-00 Мартынов Ю. М.

Посетите наш
сайт в Интернете
www.proriv.ru.

Там вы найдете статьи наших
авторов в рубриках:
экономика, политика,
философия, этика, история,
военные вопросы, рецензии и
критика, политическая
публицистика, юмор, а также
большую подборку
коммунистической музыки,
коллекцию ссылок на
марксистские издания и
библиотеки, листовки по
актуальным вопросам,
исторические документы и
исследования.

На наш журнал и исторический
сборник можно подписаться.
Для этого нужно написать в
редакцию письмо или связать-
ся с ней по телефону, и с это-
го времени Вы будете полу-
чать наши журналы и/или
сборники по почте или лично.
Цена одного экземпляра жур-
нала или сборника с учетом
почтовых расходов 40 рублей.

Зарегистрирован Центральным
территориальным управлением
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и
средств массовой информации.
Свидетельство о регистрации ПИ №1-
00915 от 20 декабря 2002 г.
Учредитель Петрова О.Б.
Цена свободная. Тираж 1000.
Объем 50 стр. формата А4.
Подписано в печать 20.09.09.
Дата выхода в свет 27.09.09.

*Редакция работает на общественных началах.
Рукописи редакцией не рецензируются,
не редактируются, не корректируются
и не возвращаются.*

Адрес редакции: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.

Адрес типографии: 109378 г. Москва, улица Федора Полетаева, дом 15, корпус 1, квартира 79.